

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые
на русском!

18+

ДОМ ОГНЕИ

Донатто Карризи
Дом огней

Donato Carrisi
LA CASA DELLE LUCI
Copyright © Donato Carrisi, 2022
All rights reserved

Перевод с итальянского Анастасии Миролубовой
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

© А. Ю. Миролубова, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Маме, которая рассказывала мне
истории
и научила рассказывать меня

Правила игры в *восковых человечков*, или в *свечечки*, или в *живых (и неживых)*

1. Восковой догоняет живых.
2. Тот, кого запятнал восковой, догоняет живых.
3. Восковым запрещено говорить. Они могут только свистеть.
4. Игра кончается, когда последний из живых говорит «Аримо».
5. Если последний из живых не говорит «Аримо», игра не кончается *никогда*.

Аримо

Пьетро Джербер умер в первый понедельник июля, жарким летним утром, около половины одиннадцатого.

Однако в конечном итоге это событие стало всего лишь эпизодом в его жизни. Со временем оно потеряло весомость и свелось к курьезному случаю, хранимому в памяти вместе со множеством других. Было бы даже неверно называть его «воспоминанием», поскольку об этом моменте Пьетро Джербер помнил очень мало.

Только детали, предшествовавшие роковому событию.

Лиловая комната на втором этаже виллы в Порто-Эрколе. Запах лаванды. Застеленная постель. Окно, распахнутое в сад, и кружевные занавески, словно призраки, летящие по синему небу. Жалобный визг старых теннисных тапок на керамических плитках, пока он бежит бегом, торопясь укрыться на балконе от орды ровесников, твердо решивших запятнать его и закончить игру. Пот струится из-под кромки волос на разгоряченные щеки. Соленые капли затекают в рот. Невольная улыбка озаряет лицо, когда он оборачивается посмотреть, далеко ли преследователи. Шортики. Выцветшая футболка с Пикачу. Ссадины на коленках от слишком частых падений с велосипеда. Бронзовый загар. Запах розмарина, разлитый в воздухе лета.

Его беззаботные одиннадцать лет, три месяца, шестнадцать дней, десять часов двадцать девять минут и горстка секунд.

Руки протянуты к чугунной ограде, которая, по его разумению, выполнит свою задачу и остановит бег. Решетка вроде бы отвечает своему назначению, когда Пьетро обрушивается на нее всей тяжестью, но потом вдруг изгибается, будто резиновая. И в довершение абсурда восстает против неподвижности, на которую была десятилетиями обречена, отрывается от стены старого дома и начинает путь в неизвестность, словно чувствует себя в силах преодолеть земное притяжение и взлететь. Обломок металла всем

своим весом влечет его в бездну, ведь он так крепко вцепился в прутья. Счастливая улыбка меркнет, пока они вместе летят в пустоту. Глаза наполняются ужасом, когда стремительно приближается белый гравий садовой дорожки. Удар: ты ожидаешь услышать оглушительный взрыв, но раздается глухой и четкий звук, с которым разбивается тело, а потом наступает тьма.

Однако, ежели вернуться вспять, тот летний день 1997 года начался для юного Пьетро наилучшим образом.

Кузен Маурицио приехал к морю, чтобы побыть с ним, его отцом и домоправительницей Аделе, которая вела хозяйство. Пьетро остался без матери, еще не достигнув двухлетнего возраста, и отец так и не женился снова. Он был единственным ребенком в семье, поэтому Маурицио, которого все домашние называли Ишио, мог сойти за брата, хотя на самом деле они были ровесниками.

В тот год, вскоре после того, как закончились занятия в школе, дядя с тетей отправили кузена в Порто-Эрколе на все лето. Услышав об этом от отца, Пьетро был от радости сам не свой: два месяца с Ишио, с июля по сентябрь. Просто не верится – как будет здорово иметь его в ватаге.

Среди скопления загородных домов, расположенных на высокой части мыса, с видом на городок и на море, ватаги детишек сменяли друг друга от поколения к поколению. Замена одной группы на другую происходила на пороге отрочества, когда терялся интерес к детским забавам, и старшие ребята предпочитали ходить на пляж или кучковаться на площади, якобы чтобы поесть мороженого в баре «Рома»; по вечерам они толклись у казино «Кингз», а потом шли на танцы в «Стреге».

Ишио присоединился к небольшой компании ровесников, которая с начала девяностых во время летних каникул держала весь район под контролем. Кроме Пьетро и его кузена, в нее входили еще шестеро ребят, приезжавших из различных областей Тосканы.

Поскольку почти всем было по одиннадцать лет, над ними витало грустное предчувствие, что это лето 1997 года станет, возможно, одним из последних, если не последним летом детства. По этой причине все они с самого начала будто сговорились прожить его на полную катушку, насладиться всеми возможностями, какие предоставляет статус ребенка, позволить себе свободу, какой впредь никогда больше не смогут пользоваться. В сентябре они, как всегда, распрощаются и вернутся в свои города, пообещав друг другу в июле свидеться снова. Но, вернувшись в Порто-Эрколе, прежние товарищи по играм станут друг другу чужими. Дружба-то, наверное, и пройдет испытание временем, но одна только мысль о некоторых забавах заставит сгорать от стыда.

Но в то лето можно было расслабиться и бесноваться по-прежнему.

В ватаге была единственная девочка, Дебора из Сиены, хотя на ее пол никто не обращал особого внимания. Вот на следующее лето, когда эта самая Дебора расцветет, у мальчиков появится чувство неловкости и какие-то смутные желания неожиданно охватят их.

Этторе приезжал из Фьезоле и вечно спускался на велике по крутым склонам, в самый последний момент тормозя ногами.

Карлетто меньше всех бывал в компании, поскольку мать заставляла его подолгу заниматься даже в летние каникулы. Остаток года он жил в Гроссето, носил очки и постоянно умудрялся калечить себя.

Джованни из Эмполи, по прозвищу Джованноне, «большой Джованни», был постоянно голодным, носил тот же размер, что и его шестнадцатилетний брат, и классно нырял «солдатиком».

Данте приезжал из Лукки и обожал все ломать. Говорил, что хочет посмотреть, как вещи устроены изнутри.

Еще был Пьетро Дзанусси, которого, как тезку Пьетро Джербера, всегда звали по имени и фамилии. Он, тринадцатилетний, был ветераном компании. Из-за надвигающихся гормональных метаморфоз он еще с прошлого лета постепенно отдалялся от ватаги

и начинал дружить со старшими мальчиками. Летом 1997 года его место занял братишка, хотя тому едва исполнилось пять лет.

Дзено Дзанусси вошел в компанию не по праву наследства и не потому, что был очень уж развит для своих лет: так решила Дебора, взявшая малыша под свою защиту.

Дзено был ярим болельщиком «Фьорентины» и, если не считать тех случаев, когда мать отправляла ее в стирку, носил, не снимая, фиолетовую футболку с номером 9, номером его идола, Габриэля Батистуты, поэтому и получил прозвище Батигол.

Во время каникул в Арджентарио с детьми творились чудеса: они забывали о телевизоре, видеоиграх и прочих занятиях, какими заполняли вечера у себя в городских квартирах, и предавались тем же забавам, что и их родители в пору своего детства.

Пьетро, Ишио и вся маленькая ватага друзей в Порто-Эрколе проводила время, от рассвета до заката ныряя с утесов Треугольника, гоняя на велосипедах по крутым тропкам, бросаясь друг в друга водяными бомбами, ловя крабов, играя в футбол на пляже под палящим солнцем.

Но одна игра никогда не входила в число, если так можно выразиться, общепризнанных, хотя в нее играли чаще всего. Ею заполняли промежутки между одним и другим развлечением, в ожидании, пока кому-нибудь не придет в голову мысль оторваться как-нибудь еще, которая устроит всех остальных. Она подразумевала скрытую цель: не дать скуке просочиться в этот мертвый отрезок времени.

Скука – главный враг детей в летние каникулы.

Томительно ожидаешь, когда от мимолетной тучки небо помрачнеет хотя бы на миг, или ржавый гвоздь продырявит велосипедную шину, или морские волны унесут слишком лихо отбитый мяч.

Дети в Порто-Эрколе во все времена знали, что самым действенным способом отогнать скуку была *игра в восковых*

человечков, или попросту в свечечки, или в живых и неживых.

Речь шла о тосканской версии забавы, распространенной во всех уголках планеты. Нечто среднее между пятнашками и прятками. Водящий – первый из восковых человечков – должен был отыскать других – живых – и превратить их в свечечки, попросту запятнав. Тем злополучным, кому не удавалось избежать роковой судьбы, предстояло включиться в охоту. Им было запрещено говорить, то есть указывать друг другу, где прячутся те, кого еще предстоит запятнать.

Свечечки могли только пересвистываться.

Того, кто нарушал правила, через три дня ожидала взаправдашняя жестокая смерть. И хотя никто из ребят не верил в это по-настоящему, все остерегались это правило нарушать.

Среди детей в Порто-Эрколе до сих пор ходила легенда о мальчике из Пизы, который не смог закончить игру, поскольку то был последний день каникул; он вернулся в город, неся на себе проклятие, и с тех пор, чтобы не умереть в мучениях, изъяснялся только свистками.

Теоретически побеждал последний оставшийся в живых. Но просто запятнать его было недостаточно, он должен был произнести определенное слово, чтобы избавить восковых от обета молчания.

Аримо.

Тайный пароль, дававший огромную власть: уничтожить противников и посмеяться над ними.

Никто не знал, откуда взялось это слово и что оно на самом деле значит. Возможно, пароль искажался с течением времени, переходя из уст в уста, из поколения в поколение, пока не утратил правильное произношение и первоначальный смысл. Но детей не интересовало, что это слово значит. Они знали одно: если произнести его, всякой вражде конец. И если последний оставшийся в живых отказывался говорить «Аримо», приятели брали его в тиски и щекотали до тех пор, пока он не сдавался.

Как часто случалось и раньше, в первый понедельник июля, день, когда умер Пьетро, никто не предложил играть в восковых человечков. Этого и не требовалось. Кто-то кого-то неожиданно запятнает – и начинается беготня. Может быть, первым был Ишио. Все случилось перед виллой Джерберов, на площадке, которая выходила на поросший лесом холм.

Пьетро был рад, что Ишио наконец-то приехал к нему на море. Дядя с тетей, однако, сказали, что кузен немного грустит, потому что весной умер его пуделек.

Так что перед Пьетро стояла задача: заставить друга забыть о Сатурно.

Неделя за неделей они могут вместе делать массу вещей. Некоторые летние привычки завелись у них с самого раннего детства. Например, до позднего вечера читать комиксы под простынями, подсвечивая себе фонариком, или ловить на чердаке пауков и подкладывать их в ящики бедняжке Аделе. Тем утром отец Пьетро обещал надуть резиновую лодку и сплавить на Лебединый остров, прихватив полдник в виде хлеба, колбасы и ледяной кока-колы.

Так, заполняя пустоту перед отплытием, они с Ишио встретились с друзьями, которые пришли поприветствовать вновь прибывшего.

На самом деле Пьетро не слишком-то хотелось играть в свечечки. Может быть, его томило предчувствие, а может, одолевала лень. Но день был такой ясный и солнечный, что он не устоял.

В такой день никому не придет в голову, что он умрет. Особенно мальчишке.

Сегодня я хочу последним остаться в живых, сказал себе Пьетро, когда началась беготня. Хочу завладеть «Аримо», а они пусть гоняются за мной, пока не собьется дыхание и не зануют икры. И приложил все силы, чтобы убежать от восковых человечков, которых становилось все больше.

Сад при вилле в Порто-Эрколе как нельзя лучше подходил для игры в свечечки: за живыми изгородями и в зарослях кустов можно

было легко укрыться. На самом деле место подходило только для этой игры – его непроходимые дебри пользовались ужасной славой: они забирали себе любой мяч, мячик или мячище и никогда не возвращали добычу законному владельцу. Дети, часто приходящие домой с пустыми руками, нарекли его садом оставленных надежд.

Так или иначе, юный Пьетро в тот день чувствовал, что победа у него в руках.

Он прятался там и сям, но его замечали, и снова приходилось бежать. Пару раз его чуть не коснулись пальцы, которые в азарте игры действительно показались скользкими восковыми отростками. Но возможно, это ощущение вызвал ветерок, овевавший его на бегу, ведь никто не объявил, что Пьетро запятнан. В какой-то момент, спрятавшись под каменной скамьей в беседке, Пьетро понял, что он один остался в живых, поскольку никто из ребят больше не говорил: в саду оставленных надежд воцарилась зловещая тишина, только пересвистывались свечечки.

Знали, что остался только он, и искали его.

Тогда Пьетро взглянул на дом и обнаружил, что дверь, ведущая в кухню, всего лишь притворена. До того дня никто не решался покинуть сад, свечечки не забегали в дом и не устраивали там кавардак. Но может быть, настал момент нарушить неписаное правило. Такого хода точно никто не ожидает, сказал он себе.

Хочу, чтобы они гнались за мной до второго этажа. Хочу видеть, как они толкуются на крутой лестнице, хватаясь за перила: рты разинуты, глаза вылезают из орбит. Хочу, чтобы рухнули на ступеньки, хрипя от натуги.

Решил и сделал: выскочил из последнего укрытия и заорал, объявляя о себе. С криком понесся к дому. Свечечки повыскакивали отовсюду, рыча, как голодные звери, с дьявольским огнем в глазах. Вначале, как и предполагалось, они были застигнуты врасплох. Но потом, тесно сбившись в кучу, бросились в погоню.

Пьетро быстро проскользнул в кухонную дверь, наткнулся на Аделе – та от неожиданности сперва завизжала, а потом, забыв о

хороших манерах, обругала его на чистом тосканском. Пьетро извинился, но останавливаться было нельзя. Лестница выросла прямо перед ним. Он перепрыгивал через две ступеньки, а в груди зарождалось чувство, известное только детям: жуть, смешанная с ликованием. Когда он обернулся в первый раз, перед ним предстала та самая сцена, которую он и воображал: преследователи, запыхавшись, карабкались следом.

Но Ишио, в тот момент возглавлявший неживых, не собирался отступать.

Пьетро не продумал, что станет делать, поднявшись наверх. Первоначальный замысел предполагал, что враги остановятся на лестнице. Теперь нужно было найти какой-то другой выход.

Так он заметил открытое окно в лиловой комнате, которую когда-то занимала мать.

Пьетро нечасто заходил туда. Хотя он не сохранил воспоминаний о матери, поскольку та умерла до того, как его детский ум был в состоянии их закрепить, было в этой спальне что-то для него священное. Например, на этажерке красовалась целая коллекция женских духов. Разноцветные флакончики изящных очертаний стояли тесным строем, в каком-то неведомом порядке. Иногда, тайком от отца, Пьетро пробирался в лиловую комнату и нюхал ту или иную эссенцию. С годами многие духи испарились или выдохлись, и в стеклянных флаконах осталась лишь капелька мутной, уже инертной жидкости. И все же Пьетро упорно искал подобие, остаточный след аромата в надежде вызвать в памяти хоть обрывок воспоминания о женщине, подарившей ему жизнь. Сейчас, в завершение игры в свечечки устремившись к балкону и пробегая мимо этажерки, он заметил, что солнце, проникая через хрустальные флакончики как через маленькие призмы, расцветчивает стены яркими пятнами.

Вид этого тайного чуда вызвал на миг чувство умиротворения.

Но Пьетро почти сразу забыл о нем, поскольку стремился к окну. Выскочив на балкон, он во все горло завопит: «Аримо», чтобы

избежать пленения и пытки щекоткой. Этот вопль освободит восковых человечков, да и его тоже.

Но всему помешало столкновение с хрупкой чугунной решеткой. Он не почувствовал, что падает. Просто мир внезапно перестал его удерживать, все материальные предметы быстро удалялись, оставались за спиной, бросали на произвол обнимающей его пустоты.

Тихо и темно.

Когда он снова открыл глаза, было трудно дышать. Будто кто-то силой затолкал ему в горло горсть перегноя. В слепящем солнечном свете он узнал лица свечечек, которые его окружали. Ребята склонились над ним, опершись о коленки: разглядывали, как жабу, попавшую под автомобиль и распластанную по асфальту, но не решались подойти ближе и, главное, заговорить. Это молчание привело его в ужас.

– Аримо, – тоненько пропищал Пьетро, просто чтобы услышать их голоса.

Мальчики с облегчением разулыбались, и тогда он понял, что еще жив. Потом сдвинул голову ровно настолько, чтобы увидеть отца, который стоял на коленях рядом с ним, на гравии. Бледный от страха, он тяжело дышал, будто пробежал десять километров без остановки, и весь взмок. Его скрещенные ладони все еще давили Пьетро на грудь, ритмично и безостановочно, словно поршень.

Заметив, что сын пришел в себя, он остановился. Выбился из сил.

Что стряслось? Пьетро с трудом припомнил падение. Потом волна боли захлестнула его, тело будто рассыпалось на куски. Во рту ощущался металлический привкус крови, голову точно сдавило железным обручем, и Пьетро не мог пошевелить правой ногой.

Но теплый летний воздух снова наполнил его легкие.

Хотя взрослые – и в семье, и по соседству – говорили об инциденте как о чем-то, его касающемся, Пьетро всегда казалось, будто их речи относятся к кому-то другому. Он не мог вообразить собственную смерть, может быть, потому, что был еще ребенком.

Его сердце остановилось где-то на полминуты.

Но рядом с неумолимым приговором – провести остаток прекрасных летних дней в шезлонге с загипсованной ногой – мысль о том, что все обошлось, отнюдь не утешала. Видеть, как развлекаются приятели, было дополнительной, совершенно невыносимой пыткой.

Вначале друзей томило любопытство, и, делая вид, будто приходят расписаться на гипсе, они донимали Пьетро вопросами: что он почувствовал в те секунды, посетил ли потусторонний мир, встретил ли там Иисуса, Мадонну, дьявола или хотя бы каких-нибудь призраков.

Чтобы их не разочаровать, Пьетро сперва пытался отвечать уклончиво. Но потом пришлось признать, что во тьме, куда он провалился, не было ровным счетом ничего.

Таким образом, интерес к нему угас, и друзья занялись более легковесными делами, к примеру принялись наслаждаться летом, этим волшебным даром, какой Господь Бог от щедрот своих преподносит ребятишкам.

Но, судя по всему, Бог обошел вниманием бедного Пьетро: ведь что ему стоило приговорить мальчика к неподвижности в те месяцы, когда нужно ходить в школу.

Время от времени кузен Ишио отбивался от компании и снисходил до партии в карты или в «Cluedo»^[1], но не по желанию, а скорее из сочувствия. Пьетро осточертели эти подачки, кроме того, нога под гипсом страшно чесалась и было унижительно просить Аделе провожать его в туалет.

Чтобы как-то скрасить сыну дни болезни, отец, который каждый день ездил во Флоренцию по работе и возвращался обратно, привез ему из дому игровую приставку. Но даже Супер-Марио и Луиджи,

верные спутники зимних вечеров, не могли придать ему бодрости. За пару недель с Пьетро сошел весь загар и он стал таким же бледным, как в январе.

– Ну, как ты сегодня? – каждый день интересовался отец.

– Лучше, – отвечал Пьетро, сам не зная, так ли это.

Хотя отец по-прежнему был суховат, его отношение к сыну изменилось. Помимо дежурного вопроса, задаваемого каждый день, он начал как-то странно посматривать на Пьетро.

Многого в отце Пьетро не понимал. Синьор Б. всегда вел себя с сыном уклончиво. Зато рядом с другими людьми преображался. Становился веселым, дружелюбным. Особенно с детьми. Он был детским психологом, и его маленькие пациенты обращались к нему «*синьор Б.*».

Синьор Б. всегда ходил растрепанным. Зимой носил тренч, подобно комиссарам из детективных книжек, а летом – ужасные, потешные сандалии. Карманы его были битком набиты леденцами и карамельками. И с чужими он заливисто хохотал.

После инцидента, который мог стоить ему жизни, Пьетро обнаружил, что отец не только странно посматривает, но и ходит мимо него кругами. И никак не мог понять, что это с ним такое.

После того рокового понедельника, первого в июле, мальчик часто слышал, как отец бродит по коридору рядом с его комнатой. Считая про себя шаги, он понял, что *синьор Б.* останавливается на пороге. Но так и не осмеливается войти.

Пьетро пытался понять причину странного поведения отца. Может, и *синьор Б.*, подобно друзьям юного Пьетро, хотел спросить, что он испытал за те тридцать секунд, когда лежал мертвый. Может, хотел услышать, что там, за пределом жизни, что-то есть, какая-то надежда для всех. Может, жаждал ответа, чтобы унять несказанную боль, терзавшую его с тех пор, как умерла жена. Трудно жить с таким страданием в душе и прилагать все усилия, чтобы казаться самым веселым человеком на свете, думал Пьетро. И говорил себе, что расскажет ему какую-нибудь байку, только чтобы он наконец

примирился с жизнью. Но отец не задавал вопросов.

В последнее воскресенье июля после полудня настала удушающая жара, и взрослые дремали, затворившись в прохладных домах. Только дети оставались на солнцепеке, не позволяя зною поколебать дружеский союз.

Так что с четырнадцати до шестнадцати часов дети владели миром.

Как и все его сверстники, Пьетро не испытывал потребности спать в жаркие часы, но загипсованная нога обрекала его на принудительный покой. Сидя у окна в своей комнате, положив руки на подоконник и опершись о них подбородком, он с безутешным видом следил, как его друзья внизу, в нескольких метрах от него, гоняются друг за другом, слясь друг друга запятнать.

Сразу после инцидента родители всех детей в округе запретили игру в свечечки. Мол, это слишком опасно. Но по прошествии нескольких недель запрет позабылся. И незаконная забава заняла свое место среди прочих летних развлечений – никто на это не пожаловался, никто не разозлился.

И, о жестокая судьба – сад Джерберов оставался идеальным местом для состязания между восковыми и живыми. После того что случилось с Пьетро, дом окончательно исключили из игры. Но и вне его можно было отлично спрятаться в зарослях бирючины, под скамейками и среди клумб.

Безразличные к мучениям, какие должен был испытывать их несчастный друг, глядя, как они веселятся, семеро оставшихся невредимыми погрузились в игру. Даже Карлетто в кои-то веки ускользнул от матери и от задачек по алгебре. Так что не участвовал один только Пьетро, которого пожирала зависть, смешанная с невыносимой скукой. Утешало только то, что, не участвуя в игре, он со своего поста мог прекрасно наблюдать за всеми ее перипетиями.

Первым восковым человечком выпало стать Данте, который сразу же запятнал Джованноне. Но этому плотному верзиле редко

удавалось как следует спрятаться, он буквально подставлялся противнику, а вот Пьетро сверху видел всех участников игры. Теперь двое восковых пересвистывались, силясь догадаться, где прячутся живые.

Пьетро рассудил, что Дебора нашла хорошее укрытие за кучей сухих веток, которые собрал *синьор Б.*, очищая лужайку. Ишио и Карлетто, в свою очередь, тоже неплохо спрятались. Зато Этторе точно запятнают следующим. Пятилетний Дзено, которому, по логике вещей, малый рост давал преимущество, никак не мог решить, куда деваться, и сновал туда-сюда в своей обычной, так бросающейся в глаза фиолетовой футболке Батигола.

Обычно вначале игра проходила довольно спокойно. Потом, в определенный момент, когда восковых становилось больше, чем живых, страсти разгорались, и могло случиться все что угодно.

Так и произошло, когда к команде восковых присоединились Этторе и Карлетто. Дебору обнаружили, она пустилась бежать, но ее окружили. Спасения не было. Разумеется, всякая поимка сопровождалась оглушительным хохотом. Именно раскаты смеха больнее всего ранили увечного Пьетро. Когда наконец и Ишио был пойман, все в изумлении переглянулись.

Похоже, последним оставшимся в живых оказался Дзено Дзанусси.

Самому маленькому в ватаге уже выпадала честь произносить «Аримо», но только потому, что остальные по доброте душевной дарили ему радость победы. И малыш, со своей стороны, даже не подозревал, что ему подыгрывали.

Но ни разу он не доходил до конца игры без посторонней помощи.

Шестеро друзей засвистели, не веря собственным глазам. Сразу же разделились и пошли искать последнего выжившего: понятное дело, его защекочут до слез, пока он не произнесет волшебное слово, которое положит конец спорам, снимет обет молчания и

устранит угрозу ужасной смерти через три дня для того, кто хотя бы пикнет что-нибудь до команды «Аримо».

Даже Пьетро, исключенный из игры и наблюдавший за ней из окна, был рад за Дзено.

Хорошо же он спрятался, если восковые до сих пор не нашли его. Время шло, и шестеро в саду надеялись увидеть малыша с минуты на минуту: фиолетовая футболка чемпиона как нельзя лучше подходила к триумфу, который его ожидал.

Но в то душное июльское воскресенье они и заподозрить не могли, что Дзено Дзанусси никогда не появится, чтобы освободить их всех. И что в самом скором времени тихую курортную зону заполонят машины с мигалками и люди в форме станут задавать им миллион вопросов. Не могли себе представить, что в последующие дни и недели группы волонтеров будут неустанно прочесывать леса, окружающие Порто-Эрколе. Что фотографию их пятилетнего дружка покажут по телевизору. Не знали, что долгое время спустя в каждую годовщину исчезновения в городке будут служить мессу, чтобы Господь позволил родителям и старшему брату хотя бы узнать правду о судьбе малыша.

Дзено Дзанусси по прозвищу Батигол так и не вернулся, чтобы произнести «Аримо», ни в сад оставленных надежд, ни куда бы то ни было еще. И над его закадычными друзьями так и тяготеет проклятие игры в свечечки.

Навсегда. Над всеми. В том числе над Пьетро Джербером.

1

23 февраля

– Томми, расскажешь еще раз историю с рисунком?

– А нужно?

– Да, пожалуйста.

– Была перемена. Шел дождь, и нас не пустили во двор, мы остались в классе с учительницей.

– Там были все твои товарищи?

– Федерико и Гайя вышли в туалет, – уточнил мальчик.

Пьетро Джербер записал в блокнот эту деталь, на первый взгляд незначительную. Такие подробности в рассказе Томмазо показывали, что сцена ясно предстала перед ним на экране опущенных век.

Маленький пациент был полностью погружен в гипнотический транс. Описывал то, что видел глазами разума.

– И что было дальше? – подстегнул его терапевт, в то время как электронный метроном задавал размеренный, расслабляющий ритм.

– Джулио нарисовал на доске жирафу, потом обернулся и сказал: «Это Джиневра».

– Потому, что Джиневра очень высокая, верно?

– Самая высокая в классе, – подтвердил мальчик, продолжая раскачиваться в кресле-качалке. – Мы все засмеялись, ведь это правда. Учительница тоже смеялась.

– А Джиневра обиделась на то, что ее сравнили с жирафой? – спросил Джербер. Сидя в своем кресле, он внимательно следил за каждой реакцией Томмазо.

– Нет, она смеялась вместе с нами.

– А что было потом?

– Джулио продолжал рисовать: тигр – Лука, горилла – Мануэль, зебра – Вирджиния... – Томмазо вроде бы вполне спокойно

перечислял одноклассников.

Детский психолог продолжал делать записи: чернильные закорючки мгновенно возникали на шершавом листке, элегантные, как выпады рапирой.

– А когда настала твоя очередь?

Мальчик на мгновение замешкался.

– Джулио нарисовал птичку и сказал, что это я.

– Почему птичку?

– Не знаю, – признался малыш с недовольной гримасой.

Джербер прервал писанину и рукой, в которой держал авторучку, вздернул очки на лоб.

– Совсем не плохо, когда тебя сравнивают с птичкой, – убежденно проговорил он. – Птички летают, – наверное, здорово увидеть мир с высоты, разве нет?

– Птички гадят на людей и на все подряд, – рассердился мальчик. – И вообще, я хотел, чтобы Джулио нарисовал льва, – заключил он, явно раздосадованный.

Для семилетнего такое поведение было вполне естественным, и Джербер не придавал бы такого значения реакциям ребенка, если бы не подозревал, что за ними таится нечто другое. Ибо последние слова Томмазо произнес совсем иным тоном: детское простодушие явно уступало место злобе и зависти.

Дети так не говорят.

Уже несколько сеансов назад психолог начал замечать признаки того, что в глубинах психики юного пациента вызревает какая-то сила.

Гнев, неестественный для ребенка его возраста.

Такой случай встречался ему не впервые. В прошлом он уже видел нечто подобное. И это ему совсем не нравилось.

Кабинет в мансарде старинного дворца в двух шагах от площади Синьории был как теплое, безопасное материнское лоно для детишек, что сменяли друг друга на кресле-качалке, где сейчас полулежал Томмазо. Зажженный камин, деревянные балки потолка,

масса книг, красный ковер, усыпанный игрушками, листками бумаги и цветными карандашами: место, отлично подходящее для того, чтобы рассказать красивую сказку. Вот только в этой комнате звучали рассказы самих детей, и их истории зачастую были полны потаенных чудовищ и не всегда заканчивались хорошо.

Кроме Пьетро Джербера, там присутствовали и другие немые свидетели. За мягкими игрушками, куклами и *action figures*^[2] скрывались зрочки видеокамер, записывавших сеансы.

Погрузив маленьких пациентов в их внутренний мир при помощи метронома или других расслабляющих техник, гипнотизер направляет их собственным голосом, тщательно выбирая слова, чтобы дети все время чувствовали себя под защитой, в безопасности.

– Ты бы хотел быть львом, – озвучил Джербер желание Томмазо.

– Да, хотел бы.

– И что ты почувствовал, когда тебя называли птичкой?

– Разозлился, – выпалил пациент, нимало не задумываясь. Лицо его перекошилось от ярости, кулаки сжались.

– Разозлился на Джулио, на своего одноклассника? – продолжал допытываться Джербер.

– Да.

– Ты хотел бы, чтобы его наказали, чтобы учительница накричала на него?

– Джулио должен умереть, – без колебаний заявил ребенок.

Гипнотизер помедлил несколько секунд, прежде чем снова вступить в беседу.

– Тебе не кажется, что это чересчур? В конце концов, твой приятель не сделал ничего плохого.

На этот раз мальчик ничего не ответил.

Месяц назад его родители обратились к Пьетро Джерберу, потому что сын до сих пор мочился в постель. Обычно такая проблема устранялась за несколько сеансов. Но уже после первой встречи психолог понял, что дело не только в этом. Под гипнозом в мальчике

неожиданно обнаружилась подавленная агрессия, все чаще проявлявшаяся во враждебных выпадах вроде того, который только что прозвучал в отношении одноклассника. Подоплекой служили пустяковые, чисто ребяческие обиды. Джербер спросил у его родных, не случались ли в окрестностях акты вандализма, непонятно кем совершенные, и не происходило ли у них дома каких-либо инцидентов. Отец Томмазо подтвердил, что вокруг домика в одном из пригородов Флоренции, где они жили, он находил следы маленьких костров: кто-то поджигал мусор или сухую траву. Потом добавил, что и в их гараже тоже вспыхнул пожар, который, к счастью, сразу же потушили. Мужчина не мог понять, как эти происшествия связаны с тем, что его семилетний сын до сих пор мочится в постель. Да и как он мог себе это объяснить?

Только специалист в силах истолковать такие сигналы. Ночное недержание и пиромания представляли собой симптомы.

Потом Джербер осведомился, есть ли у них домашние животные, и получил ответ, что у сестренки Томми был маленький аквариум с золотыми рыбками, но поскольку те, как правило, не выживали дольше недели, их перестали покупать.

Терапевт собрал эти данные и начал составлять клиническую картину, но еще не был уверен в диагнозе, поэтому спросил:

- Томми, это ты убиваешь рыбок твоей сестры?
- Да, – сразу же признался мальчик, находясь под гипнозом.
- И зачем ты это делаешь?
- Не знаю, – простодушно заявил тот.

Однако Джербер был уверен, что Томмазо лжет: ребенок прекрасно знал, зачем это делает, но даже в состоянии транса, когда тормозящие механизмы, как правило, ослабевают, его психика не выдавала истинных побуждений. Похоже, Томми все еще владел собой и был способен обманывать и притворяться.

- Расскажи, как ты убиваешь рыбок?
- Сую руку в воду и вытаскиваю их, – заявил мальчик самодовольно. – Они скользкие, но сжимать слишком крепко нельзя.

– Почему?

– Потому что иначе они заметят...

– Кто – они? Твои родители?

– Да, мама с папой не должны догадаться, что это я. Так что я держу рыбку в руке и смотрю, пока она не перестанет трепыхаться.

Джербер записал в блокноте: «Предумышленное действие: он тщательно просчитывает риски и находит способ скрыть улики и избежать возможных последствий».

– Что ты чувствуешь, когда рыбка умирает у тебя в руке?

Хотя мальчик и оставался неподвижным, его дыхание участилось, и глаза под опущенными веками бешено задвигались. Джербер знал, что означают такие реакции, язык тела недвусмыслен. Возбуждение.

– Тебе не было жалко бедных рыбок? – тотчас же задал Джербер еще один вопрос.

– Нет, – сказал Томмазо, сглотнув слюну, которой наполнился его рот. – Мне нравилось смотреть.

Психолог записал: «Отсутствие эмпатии, садизм».

Джербер закрыл блокнот в черной обложке и положил к себе на колени; скоро он займет свое место в особом архиве, рядом с другими, посвященными прочим пациентам. Психолог хранил даже самые старые блокноты, так же как раньше делал его отец.

Он огорченно взирал на маленького Томми. Порой в самом невинном создании потенциально таится зло. Никто из практикующих врачей пока не объяснил, как такое возможно, однако в этом ребенке ощущалось присутствие тьмы.

Иной Томми ждал лишь удобного случая, чтобы проявить себя.

– Ты не причинишь вреда своей сестренке, правда, Томмазо? – спросил доктор Джербер, прекрасно зная, что, какой бы ответ ни прозвучал, доверяться ему не следует.

– Я никогда не причиню вреда моей сестренке, – заверил мальчик. Но снисходительный тон указывал, что он попросту повторил то, что взрослый хотел услышать.

Гипнотизер стал решать, что делать дальше. Это было непросто. Следовало бы подвергнуть Томмазо процедуре, не вполне приемлемой с точки зрения профессиональной этики. Но только в таком случае он мог бы предложить мальчику хоть какой-то выход.

Новое начало, как называл это *синьор Б.*

– Я тебе верю, Томми, – сказал он, якобы соглашаясь с тем, что мальчик не причинит вреда сестре. Не важно, что на самом деле Джербер не был в этом уверен. Он просто хотел убедить мальчика, поскольку уже сделал свой выбор. – Но сейчас я тебе открою один секрет.

– Какой секрет? – заинтересовался ребенок.

– Ты не убивал золотых рыбок.

– Не убивал? – изумился Томмазо.

– На самом деле этого никогда и не было. Тебе это приснилось.

– Приснилось? – недоверчиво переспросил мальчик.

– Просто дурной сон, – подтвердил Джербер свою ложь. – Поэтому вот что мы сейчас сделаем: я помогу тебе его забыть.

Томми не шелохнулся.

Стирание памяти под гипнозом – запрещенная среди психологов практика, некоторые считают ее этически некорректной: гипнотизер манипулирует волей пациента, и это может привести к тяжелым последствиям.

Однако Джербер решил, что терять ему нечего. А при сложившемся положении вещей – и Томмазо тоже.

И поскольку эпизод с золотыми рыбками мог повлечь за собой и другие проявления насилия, правильно будет его исключить.

– Если ты хорошо понял, повтори то, что я сейчас сказал, – предложил мальчику Джербер.

– Я должен забыть о том, что вредил золотым рыбкам, – послушно проговорил Томми.

– Вот именно, молодец.

Можно было надеяться, что устранение этого единичного происшествия запустит в разуме Томми цепную реакцию,

разрушающую логические связи, которые привели к убийству несчастных рыбок.

Гипнотизер не мог полностью подавить его инстинкты, но мог их обуздать, загнать в те бездны психики, где образуются худшие порывы, каким подвержен человек.

– Теперь давай вместе посчитаем от десяти до одного, – проговорил Джербер. – Потом все будет так, словно ты проснулся утром у себя в кровати: откроешь глаза, и страшный сон исчезнет.

– Исчезнет, – повторил пациент.

Когда обратный отсчет закончился, мальчик открыл глаза и повернулся к доктору.

– Ну, как у меня получилось? – спросил ребенок: ему не терпелось узнать, справился ли он с испытанием. Обо всем, что говорилось под гипнозом, мальчик забыл.

– У тебя все отлично получилось, – заверил гипнотизер, и Томми широко улыбнулся чудесной щербатой улыбкой. Его разум еще податлив, сказал себе Джербер. Мы успели вовремя, убеждал он себя. Ведь Томмазо – симпатичный мальчуган, и то, что с ним происходит, просто бесчеловечно.

Юный пациент встал с кресла-качалки, прошел к двери и снял с вешалки мешок с физкультурной формой и спортивную куртку. Вид у него был беспечный.

За его спиной психолог снова спросил:

– Ты не причинишь вреда своей сестренке, правда, Томмазо?

Мальчик изумленно вытаращил глаза.

– Конечно нет, никогда, – убежденно заявил он.

2

На данный момент Томмазо был его единственным пациентом. Но не по воле Пьетро Джербера.

До недавнего времени психолог пользовался немалым уважением в профессиональной среде. Помимо частной практики, он давал консультации в суде по делам несовершеннолетних, и ему поручали самые щекотливые дела. Но теперь уже никто не стучался в его дверь. Никто больше не был расположен верить в него. О нем поползли слухи. Говорили, что он «выдохся» и уже не в состоянии практиковать. Хотя имя Джербера все еще имело определенный вес, его репутация была подпорчена: так что-то живое, растущее вдруг начинает гнить. Это случилось не в одночасье, а происходило мало-помалу.

После случая сказочника Джербер сильно изменился. И все это заметили.

Так называл он свою Немезиду, и все, что он знал об этом человеке, сводилось к трем жалким инициалам.

А. Д. В.

Разум мальчика, которого Джербер так и не смог спасти, он определил как «дом без воспоминаний». И мысль о самом крупном своем провале в качестве терапевта стала преследовать его.

По правде говоря, он не сразу обнаружил, что начинает опускаться. Все началось со шнурка на ботинке, который в один прекрасный день порвался. Джербер помнил то утро полгода назад: он зашнуровывал ботинки фирмы «Кларкс», собираясь выйти из дома, и обрывок остался у него в руке. Пьетро смотрел на кусок шнурка с невыразимым ощущением бессилия. Казалось бы, пустяк, но в тот момент проблема представляла непреодолимой.

Конец света начинается со скрипа, любил повторять *синьор Б.*

В тот день Джербер зашнуровал ботинок, оставив пустыми две верхние дырочки, и вышел из дома, пообещав себе при первой же

возможности заменить шнурок. Но так и не сделал этого.

Шли месяцы, а шнурок на левом ботинке по-прежнему оставался рваным.

С того времени Джербер перестал следить за собой. Все более растрепанная шевелюра, небритые, заросшие неухоженной бородой щеки. Картину дополняла потертая, вся в пятнах, одежда, дырки на локтях джемперов, обтрепанные манжеты и воротнички рубашек. Даже личная гигиена страдала. Он еще был красивым мужчиной, но личное обаяние, благодаря которому его не судили строго, казалось, больше не действовало. Хуже того: Джербер вроде бы даже и не замечал того, что с ним творится. Вокруг него как будто образовался непроницаемый упругий пузырь, не позволявший людям подойти ближе, буквально отталкивая их.

Истина заключалась в том, что, все глубже погружаясь в лень, он утратил желание быть психологом. Потеря интереса отразилась на внешнем виде. Он даже не отдавал себе отчета, насколько запустил себя. И уже ни в чем не был уверен. В эти месяцы без единого пациента ему хватало времени терзать себя из-за случая сказочника. Вслед за угрызениями явилась апатия.

Вот почему он без зазрения совести применил к Томмазо запрещенную процедуру стирания памяти.

Сеанс закончился после пяти вечера, а на чуть более поздний час у Джербера было назначено свидание, которым он ни в коем случае не хотел манкировать.

Он проводил Томмазо к выходу. Отец мальчика, увидев их, встал с креслица, на котором сидел около часа, и сразу попытался поймать взгляд психолога. В его глазах читался немой вопрос.

– Все хорошо, – соврал Джербер, предваряя его. – Лечение проходит успешно, – добавил доктор и погладил Томми по голове; тот вырвался и потянулся за бананом, который лежал в корзинке с фруктами, предназначенными для маленьких пациентов.

То, что Томмазо остался единственным его подопечным, не было для психолога веской причиной нарушить традицию.

– Увидимся через две недели, – сказал ему Джербер, полагаясь на то, что ярость, тайно вызревающая у мальчика внутри, надежно заперта в глубинах его юной психики.

Вскоре Томми и его родитель покинули мансарду.

Джербер вернулся в кабинет, посмотрел на часы. Прикинул, успеет ли он и можно ли немного опоздать на встречу, назначенную в кафе Пашковски. Человека, который будет его там ждать, Пьетро даже не знал в лицо. Договорились, что тот положит на столик карманные часы – это послужит опознавательным знаком.

Психологу не терпелось встретиться с ним.

Пока он торопливо гасил огонь в камине, выключал свет и закрывал ставни, красная лампочка на потолке, соединенная с кнопкой, расположенной на стене в приемной, пару раз загорелась и погасла.

Беззвучный сигнал всегда оповещал о чьем-то приходе, не прерывая сеанса.

Раздраженный внезапной помехой, намереваясь поскорее выпроводить нежданного гостя, Джербер выглянул за дверь.

Посреди коридора, в полутьме, кто-то стоял: посетитель прошел чуть дальше и остановился возле запертой двери бывшего кабинета *синьора Б.*

– Кто вы? – спросил психолог.

Посетитель стоял, не двигаясь, и вроде бы смотрел в его сторону.

– Меня зовут Майя Сало, – откликнулась женщина, судя по голосу, молодая. Она говорила с иностранным акцентом.

– Вы должны были предварительно записаться, – буркнул Джербер, видя, что девушка явилась одна. – И первая консультация всегда проводится в присутствии пациента или пациентки.

– Эва не моя дочь, – уточнила она, хотя Джербер ни о чем таком не спрашивал.

Потом сделала шаг вперед, и доктору удалось лучше ее разглядеть. На ней была синяя куртка с капюшоном, юбка в клетку,

темные чулки и туфли на низком каблуке. Вокруг хрупкой шеи был обернут плотный шерстяной шарф, концы его свисали до колен. Волосы вьющиеся, рыжие, средней длины. Веснушки и зеленые глаза. На вид чуть больше двадцати лет. Лицо с чертами чистой и немилосердной красоты.

– Сегодня у меня нет времени, приходите завтра, – попытался спровадить ее Джербер, уже не так грубо.

– Пожалуйста! Я живу в пригороде, добиралась сюда на трех автобусах, – взмолилась девушка.

– Почему вы не позвонили? – упрекнул ее Джербер. – Не пришлось бы ехать зря.

Девушка замялась.

– Я боялась, что по телефону вы мне не поверите.

3

Джербер впустил ее в кабинет. Ему была знакома нотка отчаяния, скрытая в голосе Майи Сало: он много раз улавливал ее на протяжении своей карьеры. Доктор посмотрел на часы и предупредил без лишних слов:

– Я могу уделить вам всего несколько минут.

Давая понять, что торопится, он не стал садиться и ей не предложил сесть.

Девушка встала посередине комнаты, а психолог оперся о спинку черного кожаного кресла с палисандровой отделкой.

– Теперь расскажите подробнее о себе и объясните, кто такая Эва, – отрезал он.

– Я изучаю историю искусства, приехала из Хельсинки три месяца назад, писать диплом по Чимабуэ, – проговорила Майя.

Она застыла в неловкой позе и явно не знала, куда девать руки. От нее исходил тонкий аромат, очень ей подходящий, заметил Пьетро Джербер, обнаружив к тому же, что запах ему нравится. Розовая вода, определил он, поскольку с детства знал все эссенции, изучив коллекцию матери.

– Вы хорошо говорите по-итальянски, – похвалил он, но только потому, что ему показался странным легкий флорентийский акцент.

– Я взяла фамилию матери, но мой отец родом из Ареццо, в молодости он уехал искать удачи в Финляндию.

По тому, как она это сказала, психолог понял, что удачи отец не нашел.

– И где вы живете сейчас? Я так понял, что не в городе.

– В одном поместье, среди полей Сан-Джиминьяно, – подтвердила Майя. – Оно принадлежит семье Онельи Кателани.

Не обязательно быть знатоком ономастики, чтобы понять: двойная фамилия часто указывает на аристократию. Джербер знал, что в Тоскане есть располагающие несметным наследием семьи, чье

происхождение уходит во глубины веков. Хотя громкие титулы этих привилегированных семейств, давно породнившихся друг с другом, уже ничего не значат, богатством они могут поспорить с промышленниками, олигархами, банкирами, звездами спорта и сцены. Но, в отличие от последних, эта золотая элита не трудилась ни единого дня своей безоблачной жизни. Они родились в достатке, такими и отправятся на тот свет. Они не знают, почему так вышло, а иногда и не задаются этим вопросом на протяжении всей жизни.

– Вы состоите в родстве с девочкой? – спросил он.

– Я забочусь о ней.

– Как няня?

– *Au pair*, – уточнила Майя Сало. – Устроилась по объявлению на сайте университета.

Зачастую именно так нанимаются за границу девушки или юноши «на условиях пансиона», подумал Джербер. Семьи предлагают им питание, проживание и небольшую оплату, а взамен получают помощь по хозяйству, иногда и уход за маленькими детьми. У студентов при этом появляется возможность путешествовать, познакомиться с другой страной.

Но одно Джерберу было неясно.

– Это родители Эвы послали вас ко мне? Почему они не приехали сами?

– Отец и мать Эвы в разводе. Думаю, у отца давно другая жизнь, и он не интересуется дочерью. – Девушка помолчала. – Что до синьоры Беатриче, она разъезжает по миру, мы общаемся только по телефону. Сейчас она в круизе, плывет на Барбадос.

Сведения о семье Эвы поразили Джербера.

– Вы сказали, что общаетесь с матерью Эвы только по телефону? – переспросил он: фраза как-то выпадала из контекста.

– Да, – подтвердила девушка. Потом, заметив его недоумение, добавила: – Я и раньше жила в таких семьях, со мной это не в первый раз: у некоторых родителей нет времени заниматься детьми, и они препоручают их посторонним вроде меня. Сначала такая

отчужденность изумляла меня, но потом я научилась не судить их строго. Наверное, к ним в детстве относились точно так же. – Майя Сало склонила голову набок и слегка улыбнулась; зубы у нее были очень белые. – Должна сказать, что Беатриче гораздо больше интересуется дочерью, чем многие матери, которых я знавала в прошлом.

Пока что Джербер удовлетворился ответом, но все-таки не был убежден до конца.

– Это синьора Онельи Кателани направила вас ко мне?

– Я пришла сама, по собственной инициативе, – подчеркнула девушка. – Расспросила людей, все говорили, что вы лучший. – Она пристально взглянула на Джербера. – Улеститель детей, верно?

Психолог-гипнотизер хотел бы подтвердить, что все правильно, что восторженные отзывы полностью заслужены. Но не мог. Это было не так.

– Эве десять лет, – уточнила Майя Сало, может быть заметив, что ее собеседник помрачнел.

Джербер вспомнил, как девушка объяснила, почему явилась без звонка.

Я боялась, что по телефону вы мне не поверите...

Ему стало не по себе. Он не должен выказывать особой заинтересованности, поскольку, учитывая обстоятельства, не знал, возьмется ли за лечение.

– Какая у Эвы проблема? – спросил он.

– Она не желает выходить из дома, где родилась и выросла.

– Ей когда-нибудь ставили диагноз «детская агорафобия»?

– По словам ее матери, врачи, к которым она обращалась, так ничего и не поняли... Но я сама видела, как ведет себя Эва во время кризиса: если ее силой заставляют выходить, она впадает в панику, кричит и бьется.

– Поэтому Эва не ходит в школу и не общается с другими детьми.

Майя кивнула:

– Я даю ей уроки, для этого меня в основном и наняли.

– Почему вы решили, что я не поверю вам по телефону? – спросил доктор.

– Потому что появилась другая проблема. – Майя запнулась. – У Эвы завелся воображаемый друг, – выпалила она на одном дыхании. – Знаю, вы сейчас скажете, что это обычное дело, особенно в ее возрасте.

Ничего подобного. Наоборот, это указывает на нечто более серьезное. Но Джербер не стал озвучивать свою мысль.

– Продолжайте... – сказал он и снова посмотрел на часы, давая понять, что времени в обрез.

– Вначале я думала, что это просто игра, – рассказывала девушка. – Полагала, что такая фантазия возникла потому, что Эва не общается со сверстниками. Я ей подыгрывала, мне казалось, в этом нет ничего плохого.

Не следовало тебе этого делать, с содроганием подумал Джербер.

– Например, я готовила полдник для двоих, вечером оставляла на тумбочке два стакана с водой... Но Эва никогда не позволяла мне напрямую обращаться к мальчику, даже нервничала, когда я пыталась в шутку что-то ему сказать. Уверяла, что он не хочет иметь со мной дела и, если я стану настаивать, маленький дружок заставит меня дорого за это заплатить.

Тревожная подробность.

– Угрозы Эвы осуществились?

Девушка огорченно кивнула:

– Исчезло несколько моих личных вещей, не особо ценных: коралловые бусы, помада, одна теннисная туфля. Я не уверена, что тут замешана Эва, но совпадение слишком явное.

Джербер почувствовал, что на этом дело не закончилось и впереди ждут более пугающие подробности.

– Я надеялась, что ей надоест такая игра, поскольку не знала, как с этим справиться. Но теперь это превратилось в наваждение. – Было видно, что Майя Сало тревожится по-настоящему. – Я пыталась отвлечь ее, придумывала новые забавы, много времени проводила с

ней, но Эва выпроваживала меня, чтобы побыть со своим воображаемым другом. Запиралась у себя в комнате и часами говорила сама с собой.

Психолог знал, что худшее впереди. Похоже, девушка была по-настоящему напугана.

– Иногда это случалось среди ночи. Эва просыпалась и играла с ним.

Воображаемые друзья детишек выходят на свет божий из колодца одиночества, подумал Пьетро Джербер. Заражают все вокруг своим тошнотворным присутствием. Они деспотичны, назойливы, претендуют на исключительное внимание к себе и, что хуже всего, раз явившись, больше не желают уходить.

– А неделю назад, ни с того ни с сего, Эва попросила прогнать маленького дружка, сказала, что больше не хочет с ним играть.

Вот оно, сказал себе Джербер.

– У меня ничего не вышло, – призналась девушка чуть ли не со стыдом. – Он все еще там.

– С того момента события стали развиваться все стремительнее, – догадался Джербер. – Эва начала наносить себе увечья, утверждая, будто это сделал ее дружок. Синяки и ссадины, особенно на ногах и руках.

Майя Сало широко раскрыла зеленые глаза и склонила голову влево, не веря тому, что услышала.

– Только синяки, – поправила она. – Но откуда вы знаете?

– Эва описывала, как выглядит мальчик? – продолжил Джербер, не отвечая.

Девушка смущалась все больше. Стала припоминать.

– Нет, – произнесла наконец.

– И готов биться об заклад, что у воображаемого друга нет имени.

– Эва отказывается говорить, как его зовут, – раздраженно проговорила Майя; ее досада объяснялась тем, что девушка не в силах была понять, в чем дело.

Майя Сало только что описала первые признаки детской шизофрении, но Джербер не хотел ей об этом говорить. Насколько он мог судить, Эва начала слышать несуществующие голоса. Без правильного, своевременного лечения спорадические проявления патологии выродятся в полное отторжение от реальности. Повреждения, которые она наносит себе, указывают, что девочка начинает вступать в конфликт со второй личностью, поселившейся в ней. Без соответствующих лекарств с возрастом появятся другие воображаемые друзья, гораздо более опасные для нее и для окружающих.

Улеститель детей ограничился тем, что заявил:

– Эве нужен не гипнотизер, а психиатр.

Последнее слово Майю глубоко потрясло.

Видя, как дрожат ее полные губы и слезы подступают к зеленым глазам, Джербер пожалел о своей прямоте. Он не ожидал такой реакции, но, по сути, у него не было другого выбора.

Девушка расплакалась. Не зная, как ее утешить, Джербер молчал.

– Боюсь, скоро случится что-то плохое; я уверена, что и Эва тоже напугана, – всхлипывала Майя. Потом взглянула сурово: – Известно ли вам, доктор, что значит быть ребенком и бояться смерти?

В одиннадцать лет я упал с балкона, и мое сердце остановилось на тридцать секунд, чуть было не сказал Пьетро Джербер, чтобы утешить ее. Но незачем делиться таким личным воспоминанием с незнакомкой. Или есть зачем? У Майи Сало прядка рыжих волос прилипла к щеке, и ему безумно хотелось эту прядку отвести.

– Мне жаль, но я ужасно опаздываю, – выпалил он, отгоняя от себя эту мысль и давая понять, что и так уделил девушке больше времени, чем предполагал. Но было действительно пора идти на встречу, назначенную в кафе Пашковски.

Человек с карманными часами дожидался его.

Майя не сдвинулась с места. Она по-детски смахнула слезы тыльной стороной ладони. Потом порылась в карманах куртки,

вынула маленький конверт, аккуратно заклеенный, и протянула Пьетро:

– Когда я сказала Эве, что пойду к человеку, которого зовут улестителем детей, она вручила мне это.

Джербер уставился на письмо, которое Майя протягивала ему, прилагая все усилия, чтобы рука не дрожала.

– Это для вас, доктор Джербер. Но я не знаю, что там написано, Эва не захотела сказать.

Брать письмо у него не было ни малейшего намерения: по тому, как истрепался конверт, Пьетро догадался, что девушка таскает его в кармане бог знает сколько времени. И стало быть, она лжет. Послание Эвы предназначено не для него.

– Сколько моих коллег, детских психологов, отказались от вашего случая?

Девушка опустила руку с письмом и потупила взгляд:

– Только вы и остались.

По идее, он должен был обидеться. Но, имея в виду свою репутацию, в последнее время подпорченную, Пьетро Джербер сразу сообразил, что не его выбрали первым. Однако и последней надеждой для пациента ему быть не хотелось. Он глубоко сочувствовал Майе Сало, ведь было очевидно, что она очень любит девочку, за которой ухаживает, хотя та ей не родная и они знакомы всего несколько месяцев. Но это, увы, ничего не меняло.

– Мне жаль, но я не смогу заняться вашей проблемой.

4

Старый плащ «Бёрберри», когда-то принадлежавший *синьору Б.*, был наилучшей защитой в этот ветреный вечер конца февраля. Зато коричневые ботинки «Кларкс» с изношенной подошвой на каждом шагу скользили по булыжникам мостовой. Дождь перестал, но воздух был пропитан влагой. Вокруг фонарей призрачной рекой струилась оранжеватая дымка, и дворцы исторического центра казались ее берегами.

В тумане, застилавшем глаза, кафе Пашковски с его яркими огнями и призывными звуками концертино показалось Пьетро Джерберу надежной и уютной гаванью.

Он пересек пустынную площадь Республики и переступил порог старинного заведения, оформленного в стиле ар-деко.

Как только он вошел, официанты и другие служители в униформе, выстроившиеся за стойкой из дерева и латуни, обернулись к нему, готовые услужить. Но едва они разглядели, какой у посетителя потрепанный вид, как их улыбки погасли.

Несколько клиентов, так же как Джербер, нашли приют среди ароматов старых вин и звуков классической музыки. Не обратив на него никакого внимания, они продолжали болтать, потягивая коктейли с вермутом из хрустальных бокалов и слушая скрипичный квартет, исполнявший «Зиму» Вивальди.

Пользуясь тем, что остается невидимым, Джербер погрузился в атмосферу места, застывшего во времени, и по черным и белым плиткам пола направился в зал с высоким потолком и белыми люстрами-полусферами, похожими на огромные глазные яблоки.

Переходя от столика к столику, он остановился перед тем, на котором лежали старинные карманные часы в золотом корпусе; они крепились к цепочке, что заканчивалась в руке элегантного господина семидесяти лет, катавшего во рту незажженную сигарету с анисовой отдушкой.

– Добрый вечер, доктор, – поздоровался тот, хотя они никогда раньше не встречались. – Прошу вас, – пригласил он, указывая на свободное место напротив.

Старик убрал часы со стола и положил их в карман. Джербер снял промокший плащ и повесил его на спинку кресла, потом уселся сам. Он продрог до костей.

– Калиндри, – представился старик, назвав только фамилию. – Выпьете что-нибудь? – поднял он руку, подзывая официанта. Себе он уже заказал негрони.

– Нет, благодарю, – остановил его психолог.

Тот не стал настаивать:

– Как вам будет угодно.

После исследования полного опасностей разума маленького Томми, встречи с грустной финской девушкой и ее рассказа об Эве и ее воображаемом дружке Джербер хотел только одного: поскорее покончить с делом и вернуться домой.

– Как я вам уже говорил по телефону, синьор Калиндри, ваш номер мне дали знакомые из суда по делам несовершеннолетних. – Детский психолог, которого туда больше не приглашали, все-таки сохранил кое-какие связи.

– Что именно вам сообщили обо мне?

– Что в прошлом вы работали в органах правопорядка, что вы достойны доверия и что у вас нет офиса, – заключил Джербер, обводя рукой зал.

Калиндри улыбнулся:

– Скажем так: я предпочитаю, чтобы мои дела всегда были... в движении.

– Поздравляю, у вас получается скрывать свое существование от посторонних глаз.

– Главное правило в моем ремесле, иначе я занялся бы чем-то другим.

– А что вы знаете обо мне? – решил Джербер испытать и его тоже. – Полагаю, вы собрали информацию, прежде чем встречаться

со мной.

– Вы в разводе, ваша бывшая жена Сильвия живет в Ливорно с вашим общим сыном Марко и скоро снова выйдет замуж.

Джербер все это прекрасно знал, но дорогие сведения, услышанные из чужих уст, причинили боль. Укол в самое сердце, необъяснимый с клинической точки зрения; только разведенные отцы могут это понять.

Калиндри продолжал:

– Вы унаследовали дело вашего отца, который умер семь лет назад. Мать вы потеряли в возрасте двух лет.

– Это общеизвестные факты, – сказал Джербер, желая подчеркнуть, что их нетрудно было добыть.

Даже не поморщившись, старик вынул сигарету изо рта и отхлебнул негрони. Потом снова поставил бокал на столик.

– Я редко беру новых клиентов, – уточнил он. – Работаю только с постоянными – компании или адвокатские конторы. – Казалось, он ищет предлог, чтобы отказаться от поручения. – По телефону вы намекнули на слежку. Дело деликатное, длительное. По опыту знаю: тот, кто просит о такого рода услуге, ожидает почти немедленных результатов. Вот почему я обычно предупреждаю – если у клиента мало времени или недостаточно денег, лучше сразу отступить.

– Я не стану жаловаться, даже если результатов не будет, – пообещал психолог. – Знаю: вам сказали, что я человек терпеливый, потому-то вы и согласились на встречу. И наверняка поняли, что, раз я обращаюсь к вам, у меня нет иного выбора.

Старик пристально взгляделся в него, то ли изучая, то ли пытаясь понять, можно ли доверять такому клиенту.

– За кем я должен следить? – спросил он.

– За мной.

Быстрый ответ Джербера сбил сыщика с толку.

– За вами, – повторил он без тени вопроса, просто чтобы показать, насколько ошеломлен.

– Вот именно, – откликнулся Джербер. – Не обязательно все время ходить за мной следом, – уточнил он. – Я укажу вам места, где обычно бываю, и мы будем время от времени договариваться о встречах. Можете начать с наблюдения за моим кабинетом.

– Задание необычное, – отметил Калиндри, не теряя присутствия духа.

Но было видно, что он недоумевает, и это требовало адекватного объяснения.

– Около двух лет назад я проводил лечение женщины, – признался психолог.

– Разве вас не зовут «улестителем детей»? – удивился сыщик.

– Зовут, – подтвердил Джербер. – То был первый и последний раз, когда я лечил взрослую.

– Как так вышло, что вы взялись за этот случай?

– Хотел помочь девочке, которая обитала в ней, – попробовал Джербер упростить ситуацию, хотя в действительности все было гораздо сложнее. – Та девочка, запертая в ее разуме, проявляла себя только под гипнозом.

– Хорошо, продолжайте. – Сыщик помахал рукой, словно извиняясь за то, что прервал собеседника.

– Ее зовут Ханна Холл. – Это имя постоянно витало в его мыслях, но, произнеся его вслух, Джербер вдруг испугался, будто сказал что-то запретное. Он, однако, попытался преодолеть это ощущение. – Ханна прилетела во Флоренцию из Австралии, чтобы прояснить один эпизод из своего детства. Я был уверен, что у меня получится излечить ее, но, сам того не замечая, утратил контроль... А этого нельзя допускать, особенно в моей профессии.

– В моей это тоже довольно рискованно, – заметил Калиндри.

– Роли поменялись, – продолжал доктор. – Вдруг получилось так, что она стала изучать меня.

Старик поднял бровь, может быть задаваясь вопросом, как такое вообще могло случиться.

– Проблема в том, что пациентка исчезла до того, как мы закончили курс терапии. – И унесла с собой уйму секретов, подумал Джербер про себя.

– Простите, доктор, но как это связано с тем, что я должен следить за вами?

Джербер глубоко вздохнул.

– Я вижу Ханну повсюду, – признался он. – Ее отражение в витрине. Фигуру в группе туристов, переходящих улицу. Лицо в толпе. – (Первые проявления совпали с психической травмой, настоящим крушением, каким закончился случай сказочника.) – Я не успеваю хорошенько рассмотреть ее, и остаются сомнения: возможно, это игры разума, своего рода галлюцинации. – Джербер в смущении потупил взгляд.

– Стало быть, я должен следить за вами, чтобы выяснить, существует ли эта Ханна Холл в реальности, или она всего лишь плод вашего воображения.

Джербер кивнул. Он решил нанять частного сыщика, чтобы хоть как-то поправить свое бытие. Может, даже получится снова привлечь пациентов и вернуть себе прежнюю жизнь. *Синьор Б.* всегда говорил, что признать наличие проблемы – значит сделать первый шаг к ее разрешению. Но истина заключалась в том, что человек, сейчас сидевший напротив, заключал в себе единственную возможность выяснить, не сходит ли Джербер с ума.

– Не легче ли найти эту женщину? – спросил сыщик. – Если она иностранка и вернулась во Флоренцию, ее будет нетрудно обнаружить.

– Нет, – встревожился Джербер. – Я не хочу знать, в городе она или где-то еще. – Сама мысль была для доктора нестерпима, ибо это означало бы, что он хочет ее найти. – Мне просто нужно знать, не подвергся ли я наваждению. А чтобы вылечиться от наваждения, никогда не следует ему потворствовать.

Он не стал добавлять, что пациентка владеет информацией о его прошлом, а сам он не уверен, что хочет видеть, как выходят на

поверхность давно погребенные тайны. И никогда не признался бы, что испытывает какие-то чувства к Ханне Холл. Не просто механизм переноса, возникший между лечащим врачом и пациенткой. И не влюбленность, которая со временем угасает сама собой.

Нездоровое влечение.

Единственный способ оградить себя – оставаться вдали друг от друга. Только так они с Ханной не причинят друг другу вреда.

– У вас есть фотография этой женщины? – спросил частный сыщик.

– К сожалению, нет, – отвечал Джербер. (Может, поэтому я вижу ее повсюду, сказал он про себя.) – Могу вам только ее описать: тридцать два года, блондинка, голубоглазая, чаще всего собирает волосы в хвост и всегда одета в черное. – (Не красавица, вспомнил он. Обворожительная и опасная. Одно с другим тесно связано.) – Когда мы общались, она курила. Но не могу сказать, было ли это действительно привычкой или частью роли, которую она разыгрывала передо мной. – (Я ведь до сих пор не знаю, кто такая Ханна Холл. Именно это и мучит меня.)

– И это все? – изумился Калиндри. – С такими куцыми данными будет не так-то просто.

– Вы всего лишь должны сообщить мне, не вращается ли женщина, которую я только что описал, в тех местах, где я обычно бываю. Мне этого достаточно, я больше ни о чем не прошу, – настаивал Джербер. – Мне нужен хороший наблюдатель или надежный свидетель, выбирайте сами, кем хотите быть. В общем, тот, кто сказал бы мне, что я еще не полностью потерял рассудок.

– А потом вы не захотите, часом, узнать что-нибудь еще? – осторожно осведомился Калиндри. – Уверены, что не станете допытываться, где живет эта Ханна Холл и как вступить с ней в контакт? Ибо в таком случае, доктор, я должен заранее знать ваши намерения. Если вы, например, питаете враждебные чувства по отношению к этой женщине или есть другие причины, по которым вам требуются мои услуги, должен предупредить, что не смогу

удовлетворить ваш запрос. Мне уже приходилось иметь дело со многими ПП.

– С кем? – не понял Джербер.

– С Параноидальными Преследователями, – расшифровал Калиндри.

– Я не параноидальный, тем более не преследователь, – успокоил его Джербер. Если кому-то и подходило такое определение, то как раз Ханне. Сочтя встречу законченной, он встал и снял все еще мокрый плащ со спинки кресла. – И последнее... – сказал он перед уходом. – Не надо недооценивать Ханну.

Калиндри сунул в рот сигарету с анисовой отдушкой.

– Не думаю, что в этом смысле возникнут проблемы, – самоуверенно заявил он.

Ну да, сказал Пьетро Джербер про себя с некоторым сочувствием. Я тоже так думал. И тут он понял также, почему боится Майи Сало.

5

Боюсь, скоро случится что-то плохое; уверена, что и Эва напугана...

Примерно в половине восьмого вечера Пьетро Джербер шагал пешком по дороге к дому, и слова рыжеволосой девушки не шли у него из головы. Теперь он осознавал, что был с ней так резок из-за того, что его дождался человек с карманными часами.

Но в основном из-за Ханны Холл.

Майя Сало явилась в кабинет без предварительной договоренности, мало того – проникла без разрешения вглубь мансарды, куда взрослым был путь закрыт, и даже добралась до двери *синьора Б*.

Существовала четкая граница между приемной и коридором, и только детям было дозволено пересекать ее.

Детям и Ханне Холл, поправил себя Джербер, вспоминая сеансы с этой странной женщиной, которая курила сигарету за сигаретой там, где, по очевидным причинам, всем остальным курить запрещалось. Только для Ханны было сделано исключение. И теперь доктор не хотел повторить ошибку.

Но, вспоминая прошедший день, он терзался угрызениями совести. Ускорил шаг, будто это каким-то абсурдным образом помогло бы избавиться от мыслей о рыжеволосой девушке, которая чуть ли не молила его о помощи. Но особо разогнаться не позволяла сломанная в детстве нога, дававшая о себе знать в дурную погоду.

Известно ли вам, доктор, что значит быть ребенком и бояться смерти?

Он до сих пор не мог поверить, что чуть было не поделился с Майей Сало, совершенно посторонней девушкой, одним из своих самых интимных и горестных воспоминаний: о том, как он в детстве умер на тридцать секунд.

Примерно до конца отрочества, когда Пьетро Джербера спрашивали, сколько ему лет, он мысленно вычитал из своего возраста эти полминуты. Став взрослым, прекратил производить такой расчет, сказав себе, что нет смысла придерживаться глупой детской привычки. По правде говоря, с годами он ощутил потребность выбросить из памяти лето 1997 года. Но не из-за падения с балкона. Из-за игры в восковых человечков, за которой он наблюдал несколько недель спустя, когда Дзено Дзанусси по прозвищу Батигол растворился в пустоте буквально у него на глазах.

Чем больше лет отделяло его от Дзено, тем больше Джербер считал себя вправе о нем забыть. А когда сам стал отцом, сделалось просто необходимым устранить эпизод, столь резко прервавший его детство. Ведь сама мысль о том, что нечто подобное может приключиться с маленьким Марко, была невыносима. Наверное, поэтому Джербер никогда не возил сына на виллу в Порто-Эрколе. Даже думать об этом не хотел.

Тьма забирает людей.

Таким было самое душераздирающее открытие его детства.

Пьетро и его маленькие друзья ради забавы становились восковыми человечками, не понимая жестокого смысла игры: тот, кого запятали, навсегда лишался права говорить, а значит, существовать.

Но когда последний из оставшихся в живых произносил «Аримо», все вставало на свои места и мертвые возвращались из тьмы.

Однако то, что Дзено Дзанусси так и не произнес тайного слова, выпускающего на волю, открыло им всем печальную реальность. Тьма существует и меняет обличья. Жгучее разочарование – такое испытываешь, когда понимаешь, что никакого Деда Мороза нет. А главное – что нет никакого Бога, который не позволил бы пятилетнему малышу кануть в небытие.

До того проклятого июльского воскресенья Пьетро Джербер не подозревал, каким грузом нависало над существованием взрослых неизбежное свидание с тьмой. Хотя мог бы и догадаться, ведь тьма

уже забрала его маму. Определенно, *синьор Б.* хотел бы узнать, какую тайну скрывают те тридцать секунд, когда сердце его единственного сына остановилось.

Но отцу не хватило смелости спросить, что он нашел там, во тьме.

Ведь Пьетро знал, что случилось с Дзено. Этот секрет вселял в него жуткое чувство вины, и этой тайной он никогда и ни с кем не делился. Исчезновение малыша лежало на его совести. Пьетро должен был за это ответить, потому что за несколько недель до исчезновения маленького Батигола избежал своей судьбы.

И вместо него тьма забрала Дзено.

Даже сейчас, в свои без тридцати секунд тридцать пять лет, Пьетро не мог отделаться от абсурдной мысли: да, он невольно определил несчастную судьбу своего товарища по играм.

Quid pro quo^[3].

Ибо Дзено Дзанусси наверняка был мертв. Хотя ни у кого не хватило смелости объявить об этом открыто.

Даже по прошествии стольких лет психолог все еще терзался угрызениями совести. И пока он зимним вечером направлялся к себе домой, зябко кутаясь в плащ, потупив взгляд и мотая головой, словно пытаюсь отогнать мучительные мысли, ему вновь довелось пройти мимо дома, где находился его кабинет.

Джербер сбавил шаг: ему показалось, будто под козырьком автобусной остановки он различает в клубах тумана знакомую фигуру.

Девушка тоже узнала его.

– Я опоздала на последний автобус, не знаю, как вернуться домой, – сказала Майя Сало, будто оправдываясь. Она держала руки в карманах куртки и дрожала от холода. Губы у нее посинели.

– Пойдемте поищем место, где можно выпить чего-нибудь горячего, – предложил Джербер. – Потом я вызову вам такси.

– Я не могу позволить себе такси до Сан-Джиминьяно, – призналась Майя, на мгновение потупив взгляд.

– Не беспокойтесь, я оплачу.

Девушка распахнула зеленые глаза и склонила голову влево, как делала раньше, – и Джербер это заметил. Они были едва знакомы, но доктор понял: такая реакция обычна для Майи Сало. Кто знает, сколько раз она повторяла это движение, сама того не замечая. Хотя его, разумеется, замечали те, кому повезло находиться с ней рядом. Вот и он, пока был мужем Сильвии, пользовался преимуществом наблюдать, как в предвкушении поцелуя у нее на лбу образуется тонкая морщинка.

– Дело в том, что Эва сейчас одна, – заявила Майя.

Это Джербера поразило.

– Как – одна?

– Я попросила домоправительницу побыть с ней, пока я не вернусь, но уже слишком поздно.

– И в чем проблема?

– Все сложнее, чем кажется, – робко попыталась объяснить девушка.

– Не понимаю, разве домоправительница не живет вместе с вами?

– Синьора Ваннини уходит до темноты.

– И в доме больше никого нет?

Должен же быть сторож, другие слуги, представлял себе Джербер. Майя покачала головой.

Джербер был потрясен еще больше, представив себе, как девушка и ребенок остаются одни в доме среди полей, особенно ночью.

Майя снова потупила взгляд; ей, наверное, было неловко признаваться, что она не чувствует себя в безопасности.

– Дом старинный и очень большой, но мы занимаем только часть.

С тех пор как после развода жена и сын переехали в Ливорно, Джербер жил один в огромной квартире и теперь припомнил, каким незащитным чувствуешь себя каждый вечер, когда засыпаешь в одиночестве, без близкого человека рядом. Поэтому задался вопросом, как могла девушка взять на себя такую ответственность.

– В случае необходимости синьора Ваннини всегда может прийти, – попыталась успокоить его Майя. – От поселка до имения несколько минут ходьбы.

Было ясно, что она прежде всего старается убедить себя. Но все это совсем не нормально. Что за люди эти Онелъи Кателани? Как они могли допустить, чтобы десятилетняя девочка жила одна в глуши с какой-то незнакомкой? Но потом решил, что не станет выяснять как и почему: не его это дело. Вытащил сотовый из кармана плаща и стал вызывать такси.

– Через восемь минут, – сказал он девушке, едва голос в записи сообщил, когда приедет машина. Джербер надеялся, что такси прибудет раньше, – он боялся, что Майя снова станет просить его заняться случаем Эвы.

Девушка шагнула к нему: на рыжие волосы в капельках влаги падал свет фонаря, образуя вокруг лица сверкающий ореол.

– Доктор Джербер, по-вашему, за этим может стоять что-то, кроме шизофрении?

– Конечно, нельзя исключать, что Эва создала себе воображаемого друга потому, что отчаянно нуждается в обществе других детей.

– Я не об этом, – проговорила девушка, устремив на него пристальный взгляд.

Тогда что она имела в виду? В чем хотела его уверить? Что есть еще какое-то объяснение?

– Так или иначе, этот воображаемый безымянный мальчик сейчас ополчился на нее, – добавила Майя Сало неожиданно суровым тоном. – У вас, доктор Джербер, это не вызывает гнетущего чувства? Эва причиняет себе боль, потому что у нее нет выбора.

Такси приехало раньше обещанного, избавив Джербера от необходимости отвечать на каверзный вопрос. Психолог отошел от Майи и стал договариваться с таксистом насчет цены за проезд до Сан-Джиминьяно. Потом открыл Майе заднюю дверь.

– Вы будете дома через сорок минут, – объявил он.

Майя не поднимала глаз.

– Спасибо, завтра я постараюсь вернуть вам деньги.

– Изгонять воображаемых друзей – не моя специальность, – сказал Джербер, держась за все еще открытую дверцу. – Но завтра я заеду к вам, чтобы взглянуть на Эву.

Девушка сперва обрадовалась такому неожиданному повороту, но тотчас же помрачнела.

– Я должна вас предупредить, – начала она, – что воображаемый друг не любит новизны: если что-нибудь не по нем, он отыгрывается на Эве, и я вижу на ее теле новые синяки.

Будет нелегко, подумал психолог. Но успокоил Майю.

– В конце концов, он всего лишь ребенок, – сказал с улыбкой. – А дети – как раз моя специальность.

Прежде чем такси отъехало, они договорились встретиться назавтра во второй половине дня.

Майя порылась в карманах синей куртки и вытащила письмо Эвы, которое пыталась вручить доктору, выходя из его кабинета несколько часов назад.

– Хотя писалось оно не для вас, доктор Джербер, думаю, вы заслужили право его прочесть.

Забыв о выдумке, которой Майя пыталась его улестить, Джербер принял дар в виде потрепанного конверта. Долго глядел вслед удаляющемуся такси, надеясь, что сделал правильный выбор. Прежде чем продолжить путь домой, решил открыть конверт. Он ожидал увидеть рисунок или трогательное послание с грамматическими ошибками – письма такого рода он уже получал не раз.

Но на листке было написано одно-единственное слово, мгновенно затянувшее его в прошлое. Слово это дожидалось его двадцать пять лет.

Аримо.

6

Слово это пригвоздило его к месту, будто тяжкое обвинение. Маленький перст, указующий на него. Палец пятилетнего мальчика.

Абсурдное совпадение лишило его сна. Почти всю ночь Пьетро Джербер ворочался в постели. Хотя разумом он отрицал всякую возможную связь с драмой, пережитой им в одиннадцать лет, эмоциональное потрясение давало о себе знать. Всплыли на поверхность те же чувства, какие он испытал летом девяносто седьмого, когда вместе с беспечным неведением зла преждевременно прервалось и его детство.

Весь день он возвращался мыслями к безумной связи между запиской и его прошлым. Если бы у него не оказалось столько свободного времени, а приходилось бы заниматься пациентами, ему было бы трудно на них сосредоточиться. В голове вертелись только Ишио, Дебора, Этторе, Джованноне, Данте. Компания в Порто-Эрколе. За исключением кузена Ишио, с остальными Джербер давно потерял контакт. Что с ними случилось? Как они росли с грузом того, что могло случиться с Дзено? И главное, задумывались ли об этом до сих пор или изгнали произошедшее из памяти? И в случае, если не смогли забыть о трагедии, как она повлияла на их дальнейшую жизнь?

У Пьетро Джербера не было причин вспоминать о малыше Батиголе, разве что в сырые дни, когда немного ныла сломанная в детстве нога. И он отодвинул Дзено Дзанусси в дальний уголок памяти. Там и намеревался его оставить до тех пор, пока не придет его собственный час: может быть, на пороге смерти он разберется со своими угрызениями.

Но вот Майя Сало и десятилетняя девочка вынудили его заняться этим раньше.

Доктор Джербер, по-вашему, за этим может стоять что-то, кроме шизофрении?

Нет, не может.

Поэтому около трех часов зимнего дня Пьетро Джербер сидел в «дефендере», который *синьор Б.* содержал в идеальном порядке и оставил ему, и ехал в Сан-Джиминьяно. Пересекая поля Кьянти, убаюканный видом пологих холмов, размышлял над каверзным случаем, в который по глупости влип: наверное, стоило сразу решить вопрос и не тратить времени зря.

Но, несмотря на все усилия, отстраниться не удавалось.

Штука в том, что Эва писала записку не для него, ведь Майя ее предлагала всем терапевтам, к которым обращалась и которые отказались заниматься этим случаем. Невинная уловка, чтобы привлечь их, но никто не попался. Да и я тоже, сказал себе психолог. Возможно ли в таком случае, что послание на листочке адресовано лично мне? Конечно, это не более чем игра случая.

Карл Густав Юнг называл это «синхроничностью».

«В тот день, когда ты решишь сесть на диету, кто-нибудь обязательно подарит тебе коробку конфет, – говаривал *синьор Б.* – Жизнь полна неожиданных поворотов судьбы, но мы отдаем себе в этом отчет, только когда вынуждены обратить на них внимание».

Отец и Юнг были правы, а гадалки и прорицатели давно поняли, как использовать этот принцип в ущерб незадачливым простакам.

Рассуждения Пьетро Джербера шли по накатанной колее, и психолог на короткое время почувствовал облегчение, но потом логика начинала пробуксовывать, натываясь на одно и то же препятствие.

Аримо.

Гипнотизер задавался вопросом, как слово-анахронизм, которое, насколько ему было известно, уже исчезло из лексикона самых маленьких детей, попало к десятилетней девочке, рожденной в новом тысячелетии.

Было в этом нечто странное. Он твердил себе, что пустился в путь, дабы помочь Эве. Но на самом деле ехал на встречу с

воображаемым другом девочки.

Большой белый дом возник между двух пологих холмов среди оливковых рощ и виноградников. Этот дом, окруженный кипарисами, суровыми и строгими, словно королевские стражи, можно было различить за несколько километров.

Имение Онелы Кателани простиралось на несколько гектаров, и его делила надвое грунтовая дорога. Джербер осознал, насколько обширна его площадь, по времени, которое потребовалось «дефендеру», чтобы достичь особняка, построенного в конце семнадцатого века.

Солнце едва начало клониться к горизонту, когда внедорожник въехал в массивные черные ворота и чуть позже, подняв тучу пыли, затормозил на площадке у фонтана из серо-голубого песчаника. Воду давно отключили, и в чаше скопилась зеленоватая каша.

Джербер вылез из машины и оттянул ворот свитера, который надел под плащ: небритый подбородок терся о шерсть и нестерпимо чесался. По правде говоря, все его раздражало. Он нервничал. И все же огляделся вокруг.

Поместье было великолепное, но запущенное.

Штукатурка на доме облупилась в нескольких местах. Лужайку заволокли сорняки, а кусты давно следовало подрезать. Рядом с домом находился фамильный склеп, который доктор не отказался бы осмотреть, но заметил, что крыша там и сям прохудилась от непогоды и небрежения: куски черепицы валялись у самых стен, и никто не озаботился их убрать.

Джербер услышал, как его окликают, и обернулся.

Майя Сало шла ему навстречу. На ней было серое шерстяное платье, плотно облегавшее бедра и доходившее почти до колен.

– Добро пожаловать, доктор, – протянув руку, сказала она с особенным, чарующим выговором, между финским и флорентийским. Казалось, она была искренне рада его видеть.

Джербер пожал ей руку, задаваясь вопросом, насколько придиричиво Майя выбирала платье для встречи с ним. И тут же выбранил себя за такие мысли.

– Здесь очень красиво, – заметил он, озираясь, только чтобы оторвать от нее взгляд.

– Да, красиво. Жаль, правда, что никто за этим не следит, – ответила девушка с огорчением. Потом указала на дом. – Пойдемте, синьора Ваннини сварит нам кофе.

Они прошли мимо целого ряда залов по длинным коридорам, отделанным старинной плиткой. Над их головами высились потолки, покрытые фресками и лепниной. Белые чехлы покрывали мебель прошлых веков. Лампы, картины, люстры и зеркала были обернуты в бумагу, чтобы не садилась пыль. Казалось, они шагают среди толпы призраков.

– В доме больше пятидесяти комнат, – пояснила Майя. – Но, как я вам уже говорила, мы занимаем лишь несколько, в восточном крыле.

В тишине обширных залов малейший звук отдавался эхом. Подходя к кухне, Джербер вдруг услышал непонятный звон.

Чуть позже они переступили порог большой комнаты, где стоял огромный дубовый стол. Колоссальных размеров вытяжка над глубоко утопленным в стене камином буквально нависала над ними.

– Я просто счастлива, что Майя убедила вас, – заявила синьора Ваннини, протягивая Джерберу руку.

Пожимая ее, Джербер понял, что из кухни звенел серебряный браслет с подвесками в форме дикобразов.

Женщина лет сорока пяти, приятной наружности: типичная тосканка, прямодушная и непосредственная. Волосы завязаны в хвост, глаза чуть подкрашены, белая блузка, джинсы, спортивные тапочки – совсем не так представляешь себе домоправительницу, подумал Джербер. Аделе на вилле в Порто-Эрколе скорее походила на старую деву, хотя в те времена была ненамного старше синьоры Ваннини.

Вскоре домоправительница налила им с Майей свежесваренного кофе.

– Наконец кто-то займется душевным здоровьем бедной девчушки, – заметила она.

– Я все еще не уверен, что смогу разобраться в случае Эвы, – уточнил психолог, беря чашечку.

Он не хотел пробуждать ликование прежде, чем познакомится с девочкой. До поры до времени лучше никого не обнадеживать.

– Синьора Ваннини знает, как обстоят дела, – вмешалась Майя. – Я ей все объяснила, – добавила она, испепеляя женщину взглядом.

– Что же, доктор: если вы не возьметесь за лечение Эвы, это будет настоящей катастрофой, – высказалась та, наплевав на молчаливые упреки Майи. – Бедному ангелочку и без того несладко живется: совсем одна, в доме, который разваливается на глазах. А мать шляется по всему миру бог знает зачем, и дочка для нее помеха.

– Прошу тебя... – попыталась Майя ее остановить.

– Нет уж, я расскажу. – Женщину буквально прорвало. – Знаете, сколько времени графиня Онельи Кателани не видела свою дочь? – осведомилась она с презрением.

Джербер не знал, но был уверен, что ему немедленно откроют возмутительную правду.

– Шесть месяцев! – в самом деле воскликнула Ваннини, показывая число на пальцах. – Даже на Рождество не приезжала. – Она бурно жестикулировала, и браслет с дикобразами позвякивал в такт ее речам.

– Пожалуйста... – тщетно просила Майя.

– У меня муж и трое сыновей, иногда и меня одолевает искушение взять да удрать от них, но я ни за что бы их не бросила, – упорно продолжала домоправительница. – А теперь, в довершение всего, Эва должна терпеть выходки воображаемого дружка.

Она разгневана и обижена по-настоящему, заметил Джербер. Как и Майя, она очень привязана к девочке. Насколько психолог понял,

синьора Ваннини занималась уборкой и готовила еду. Каждый вечер возвращалась в городок Сан-Джиминьяно, к своей семье.

Домоправительница собиралась продолжить инвективу, когда Джербер увидел, как в дверном проеме на миг показалась белокурая головка. Она тут же исчезла, но Джербер кивком указал на дверь, открытую в коридор, и быстро приложил палец к губам, подавая Ваннини знак умолкнуть.

Он задавался вопросом, где все это время находилась девочка. Теперь он это знал.

Отставив пустую чашечку и вставая из-за стола, доктор проговорил:

– Теперь настала пора познакомить меня с Эвой.

7

Они немного помедлили, дав девочке время вернуться к себе в комнату. Услышав, как этажом выше хлопнула дверь, Джербер и Майя стали подниматься по лестнице.

– Я бы хотел остаться с ней наедине, – сказал он девушке, когда они подошли к порогу комнаты.

Та не возражала.

– Как скажете, доктор.

В зеленых глазах Джербер прочел надежду и тревогу. Не хотел бы он увидеть разочарование в этом взгляде.

Он постучал в дверь. Но потом решил войти, не дожидаясь приглашения.

Последний закатный свет багровым отливом медленно отступал к окну, открывая дорогу вечерним теням.

Мебель в комнате была и современная, и старинная. Кровать под балдахином, внушительный белый шкаф. У стены – секретер девятнадцатого века, на нем – компьютер с радужными наклейками: единороги. Обои с веселенькими маргаритками, явно относящиеся к более позднему времени, чем вся постройка. Много игр, целая полка плюшевых зверушек.

Эва сидела на персидском ковре, спиной к двери, ее согнутые в коленях ноги были вытянуты в сторону и походили на хвост маленькой русалки. На ней было темное платье и красные бархатные тапки. Длинные золотистые волосы падали на спину. Она баюкала куклу, напевая колыбельную песенку.

– Можно? – спросил психолог, надеясь, что девочка обернется на голос.

Но Эва будто бы его не заметила.

Джербер не стал падать духом. Такое часто случалось с его пациентами: дело не в упрямстве и не во враждебности, они просто хотят сначала оценить, можно ли доверять пришельцу. Их внимание

приходится завоевывать. И это справедливо. Не снимая плаща, Джербер тоже сел на пол и скрестил ноги. Поза довольно смешная, и он надеялся вызвать у девочки улыбку, когда та обернется и поглядит на него. Но все оставалось по-прежнему.

– Какая у тебя красивая комнатка, – похвалил доктор, чтобы сломать лед. – Теперь я понимаю, почему ты не хочешь выходить из дому.

Девочка промолчала; она по-прежнему качала куклу и напевала песенку.

– Думаю, кто-то предупредил тебя, что я сегодня приеду, – продолжал Джербер.

Эва всего лишь кивнула.

Джербер воспринял это как поощрение к дальнейшей беседе.

– Кто говорил с тобой обо мне – Майя? – спросил он в надежде, что беседа завяжется.

Никакой реакции.

– Значит, синьора Ваннини, – заключил доктор.

На этот раз Эва еле заметно покачала головой и резко прервала песенку. В комнате воцарилась тишина.

Хочешь заставить меня поверить, что это был твой невидимый дружок, подумал психолог. Хитрый ход: сразу заявить о его реальности, размышлял он. Следовало ей подыграть, но действовать нужно осмотрительно.

– Если ты ждала меня, то знаешь, зачем я пришел, – заявил доктор, давая понять, что ему безразлично, кто предупредил девочку.

Джербер решил не упоминать о воображаемом друге. Пусть Эва первая заговорит о нем.

– Ты ведь не будешь возражать, если во время разговора я буду делать записи, – сказал он с утвердительной интонацией, вынимая из кармана плаща чистый блокнот в черной обложке и неизменную авторучку.

На этот раз девочка обернулась и пристально взглянула на него. У нее была очень светлая кожа, только губы красные. Светлые брови и ресницы обрамляли глубоко запавшие глаза, будто подернутые тонким слоем льда.

Она словно явилась из прошлых веков.

– Он не хочет, – еле слышно проговорила девочка, сотканная из лунного света.

Ошеломленный тем, как она выглядит, Джербер не сразу понял, что речь идет о мальчике, созданном ее воображением. Спорить он не стал и положил ручку и блокнот на пол.

– Мне уйти? – спросил доктор, надеясь, что ответ будет отрицательный.

Эва покачала головой:

– Он говорит, ты можешь остаться.

Раз уж она сама заговорила о дружке, психолог решил попытаться.

– Он сейчас с нами?

Девочка с минуту помедлила. Потом подняла руку и указала на что-то за спиной Джербера.

Прекрасно зная, что все это выдумки, психолог все равно как-то оробел и не сразу обернулся, чтобы проверить.

У стены, подле большого белого шкафа, стояло кресло с подлокотниками. Погруженное в полутьму. Пустое.

– Ты просто знаешь, где он находится, или можешь его видеть? – спросил Джербер, глядя в том направлении. Майя что-то говорила о голосах.

– Я его слышу, и все, – отвечала девочка.

Очень удобно, подумал Джербер, не придется его описывать. Он отвел взгляд от кресла, решив его игнорировать. Снова повернулся к Эве.

– Почему ты его слышишь, а другие – нет? Ты об этом задумывалась?

– Если ты нам не веришь, он не будет говорить с тобой.

Реплика Эвы озадачила Джербера: его всегда поражала способность детей к манипуляциям.

– Когда ты услышала его в первый раз? Можешь вспомнить?

Эва ответила, не задумываясь:

– Как-то летом, но я тогда была еще маленькая.

– Расскажешь, как это было?

– Он открыл мне секрет.

– Что за секрет?

– Сказал, куда закатился мячик. А я его искала несколько дней.

Майя, вспомнил Джербер, говорила, что у нее пропали не особо ценные личные вещи: коралловые бусы, помада, как-то раз одна теннисная туфля.

– Думаешь, это он забрал твой мячик?

Похоже, девочка согласилась с таким предположением.

– Он такой противный.

Шизофреники – клептоманы, напомнил себе Джербер. Их ложные ипостаси склонны забирать то одно, то другое и возвращать на место, доказывая всем, что они реальны.

– И ты никому не сказала, что познакомилась с новым дружкой?

Девочка покачала головой:

– Потому что он ушел. Но потом то и дело возвращался.

– Хочешь сказать, возвращался время от времени все эти годы?

Эва с готовностью кивнула: да, доктор не ошибся.

– Стало быть, время от времени появлялся его голос, потом ты вдруг переставала его слышать. Я правильно понял?

– Да... Но в этот раз он говорит, что хочет остаться.

Эва положила куклу, которую баюкала. В эту секунду Джербер разглядел синяк на ее запястье. Не следовало пока намекать на агрессивный характер воображаемого друга. Всему свое время: нужно двигаться вперед постепенно.

– Говорят, ты не знаешь, как его зовут.

– Я спрашивала, но он, наверное, не хочет мне говорить.

– Но ты зато можешь спросить, как он выглядит, – бросил Джербер пробный шар, пытаясь приблизиться к сути вопроса.

Эва устремила взгляд на что-то за его спиной. Психолог не стал оборачиваться: он знал, что девочка смотрит на кресло. По выражению ее лица можно было судить, что она внимательно слушает.

Будто получает от кого-то инструкции, подумал Джербер.

– Он не согласен, – сказала Эва, снова обращаясь к доктору. – Он говорит, что покажется, когда наступит нужный момент.

«Какой такой момент?» – спросил себя Джербер. Но решил не углубляться.

– Нельзя ли нам хотя бы узнать, сколько ему лет?

Та же сцена, что и прежде, но на этот раз Эва ответила:

– Он не такой, как другие дети. Он совсем не растет. – В голосе девочки слышалась нотка удивления. – Ему навсегда пять лет.

В голову Джербера снова закралась мысль о Дзено Дзанусси, хотя он и поклялся себе напрочь исключить его из беседы.

Снова синхроничность. Очередное проклятое совпадение.

– Хочу поблагодарить тебя за это, – заявил он, нашарив в кармане письмо, полученное от Майи. – Аримо, – прочел Джербер. – Где ты выучила это слово?

Девочка взглянула на него искоса, будто вопрос ее насторожил, и убежденно проговорила:

– Письмо писала не я.

Джербер не понимал, куда она клонит.

– Но Майя сказала, что ты дала ей письмо...

– Я только передала, – подтвердила Эва и умолкла.

Воображаемые дети не пишут настоящих писем, хотел бы он возразить: очередная выдумка вывела психолога из себя. Но нужно оставаться в игре – не он диктует правила, во всяком случае пока. Джербер положил письмо обратно в карман и задумался над следующим ходом. И вдруг задал совершенно несурзанный вопрос:

– Может быть, твой друг скажет, как он одет?

На мгновение перед его глазами мелькнула картина того июльского воскресного дня. Последний раз, когда он видел юного Батигола в саду виллы в Порто-Эрколе, на нем была футболка цветов «Фьорентины», а на спине – номер его кумира, девятка.

Эва вновь стала советоваться с кем-то сидящим в кресле и через какое-то время, которое Джерберу показалось бесконечным, заявила:

– Он сказал, у него ее больше нет.

– Чего нет? – спросил психолог чуть дрогнувшим голосом.

Девочка пожала плечами:

– Не знаю. Он сказал только это.

Какая-то бессмыслица, но сердце у Пьетро Джербера бешено застучало, он был сражен наповал. Но ни в коем случае не мог допустить, чтобы Эва это заметила. Было бы непростительной ошибкой позволить девочке догадаться о том, как сильно может она затронуть его чувства. Он выждал несколько секунд, чтобы успокоиться, и наконец решился:

– Спроси, будет ли он говорить со мной.

Девочка передала просьбу.

– Да, он согласен.

– Хорошо, – кивнул Джербер, поднимаясь с пола, где сидел в неудобной позе со скрещенными ногами. – Завтра я вернусь, и мы поиграем в одну игру.

– В какую игру? – заинтересовалась Эва.

– Тебе понравится, – заверил ее гипнотизер. – В нее играют, пока спят.

8

К половине седьмого вечера синьора Ваннини уже вернулась в Сан-Джиминьяно, а Майя настояла на том, чтобы проводить доктора до машины, – надеялась узнать, как все прошло с Эвой.

– Это вы сообщили девочке о том, что я сегодня приеду? – спросил Джербер.

– Да, я.

– Как по-вашему, она удивилась?

– По правде говоря, никогда не угадаешь, что у нее на уме.

Именно так, он сам это испытал совсем недавно.

Он распрощался, а девушка осталась стоять на площадке, наблюдая, как «дефендер» удаляется от имения Онельи Кателани. Джербер разглядел ее в зеркале заднего вида: замерзшие руки сцеплены на животе, лицо напряженное. Захотелось вернуться, согреть ее в объятиях, успокоить.

В огромном доме за спиной Майи было темно. Ее ждала еще одна ночь наедине со странной девочкой, как будто спустившейся с Луны.

Джербер пока не понял, какова роль девушки в этой истории, а главное, не мог уразуметь, почему она соглашается здесь оставаться. Она Эве не родня и знакома с девочкой всего несколько месяцев; что мешает ей уехать, передав работу и связанные с ней неудобства другой *ai pair*? Что ее связывает с этим местом и с этой девочкой?

Доктор Джербер, по-вашему, за этим может стоять что-то, кроме шизофрении?

Психолог намеренно не стал особо распространяться о своем разговоре с Эвой; Майя узнала только, что они снова встретятся завтра, опять же во второй половине дня. Джербер впрягся в эту работу бог знает на сколько сеансов, но был уверен, что дело того стоит: какая-то надежда есть. Диагноз «детская шизофрения» он до сих пор исключить не мог, хотя детский психиатр разобрался бы лучше. И все же Майя была права: данные, полученные при первом

знакомстве, могли указывать на расстройство, вызванное вынужденной изоляцией, а это гораздо легче лечится. Хотя он и не был до конца уверен, что девушка хотела посеять в нем сомнения относительно диагноза.

Решено: он проведет с Эвой еще несколько сеансов. И обнаружит причину психоза.

Но дело это имело еще один немаловажный аспект. Впервые за долгое время Джербер почувствовал, что снова приносит пользу. Рассчитывая помочь девочке, он питал надежды и относительно себя самого. Может быть, он еще не совсем безнадежен. Может быть, получится вылезти из черной дыры, в которую он упал. Вдруг это можно считать новым началом.

Как давно он не чувствовал ничего подобного?

Он сможет что-то сделать для Эвы, и эта мысль так его будоражила, что не возникало ни малейшего желания возвращаться домой, где предстояло провести одинокий вечер, терзаясь воспоминаниями и сожалениями. Он решил использовать прилив сил, чтобы лучше подготовиться, и направился к себе в кабинет.

Припарковался на набережной Арно и пошел пешком к площади Синьории. Львиный колокол палаццо Веккьо пробил десять раз, удары разлетелись по историческому центру, простертому у подножия башни Арнольфо, а их отголоски, словно резвые дети, гонялись друг за дружкой по улочкам и переулкам.

Шагая по полупустынным улицам, Пьетро Джербер спросил себя, начал ли уже сыщик с карманными часами следить за ним, не занял ли сейчас наблюдательную позицию где-нибудь за углом. Проверять не хотелось. Вдруг, чего доброго, мелькнет где-нибудь Ханна Холл, и снова придется задаваться вопросом, реальность это или видение. Поэтому он давно уже предпочитал не глядеть по сторонам и всегда ходил, опустив голову.

В отличие от Эвы, он вовсе не был расположен к тому, чтобы его преследовали собственные галлюцинации.

На улице деи Нери он замедлил шаг, привлеченный манящим ароматом. Лепешка на оливковом масле. Он зашел в маленькую лавочку, где десятилетиями продавалось это тосканское лакомство, и купил изрядный кусок фокаччи с грудинкой и овечьим сыром.

С драгоценным пакетом, из которого еще поднимался пар, он укрылся в своей мансарде.

Повесил плащ на вешалку и развел огонь в камине. Комната красиво озарилась золотым светом, воздух стал быстро прогреваться. Джербер направился к книжному шкафу и стал сдвигать книги и игрушки, расставленные на полках. За пыльным пупсом, в котором на самом деле находилась одна из скрытых камер, он хранил бокал и бутылку «Нобиле ди Монтепульчано» 2009 года: вино подарил ему много лет назад дедушка одного маленького пациента. Вооружившись штопором, Джербер выпустил на волю букет вина, годами пребывавшего в заточении, и почувствовал себя на седьмом небе.

Джербер разложил свой скудный ужин на столике из вишневого дерева, где стоял электронный метроном, с помощью которого доктор вводил пациентов в транс. Включил радиоприемник, составлявший ему компанию, когда нужно было сосредоточиться или расслабиться, и настроил его на станцию, передающую только классическую музыку. Сразу узнал концерт для фортепьяно Мендельсона.

Идеально, сказал он себе.

Прежде чем садиться в кресло, решил забрать из карманов плаща черный блокнот и ручку. Эва не позволила делать записи во время предварительной беседы, значит нужно поторопиться и записать свои заключения, пока он их не забыл. Но, сунув руки в карманы плаща, Джербер нащупал только блокнот.

Авторучка, когда-то принадлежавшая *синьору Б.*, исчезла.

Джербер вспомнил, что в комнатке Эвы положил ее на пол вместе с блокнотом, когда сидел, скрестив ноги, будто индус. Наверное,

уходя, забыл ее прихватить. А может, и нет... Ручку забрала девчонка, сказал себе Джербер. Ведь во время их краткой беседы Эва нарочно сказала, что ее воображаемый друг похищает предметы, а потом они появляются снова.

Он такой противный.

Эва хочет доказать, что он реален: возможно, в следующий раз, когда я приду, ручка найдется. Похоже, она прекрасно выстроила мизансцену. Хитрость девчонки потрясла психолога до глубины души.

Удовольствовавшись простой шариковой ручкой, он удобно устроился в кресле и положил блокнот на колени. В янтарном свете от пылающего камина, убаюканный музыкой, он делал записи, время от времени откусывая от лепешки, лежащей рядом на столике, или смакуя вино. Закончив краткий отчет, перечел свои записи с бокалом «Нобиле» в руке.

После сегодняшнего визита он пришел к важному выводу.

Накануне Майя Сало, желая убедить его заняться этим случаем, произнесла такую фразу: «Неделю назад, ни с того ни с сего, Эва попросила прогнать маленького дружка, сказала, что больше не хочет с ним играть...»

Но Джерберу вовсе не показалось, будто Эва хочет избавиться от воображаемого приятеля. Она не готова от него отделаться по той причине, что сама создала его, преследуя собственные цели.

Она хочет, чтобы мы поверили, будто он приказывает, что делать. На самом деле это она пользуется воображаемым другом, чтобы манипулировать нами.

В этой необычной дружбе девочка вовсе не играла страдательную роль. Пытается уверить всех, будто она – жертва, не сомневался психолог, чтобы затем без помех продолжать свои мистификации. Но мотив такого поведения заключался не в том, чтобы заставить окружающих поволноваться: Эва действовала не из садизма, и не заботы Майи или синьоры Ваннини о ее здоровье служили ей

наградой.

Ее цель абсолютно типична для ребенка: Эва всего лишь хочет обратить на себя внимание.

Джербер был уверен, что, воздействуя на тех, кто находится с ней рядом, девочка пыталась передать послание матери, находившейся далеко.

Агорафобия.

Психолог целиком и полностью разделял мнение домоправительницы. Синьора Ваннини выразилась ясно: графиня Онельи Кателани считала дочь для себя помехой, поэтому почти никогда не приезжала домой. Расстройство Эвы, по сути, было ей на руку: матери, не желавшие, чтобы их осуждали за безразличие или холодность, охотно исключали детей из своей жизни и прятали их подальше от окружающих.

Так девочка, которую никто не должен был видеть, создала невидимого мальчика, заключил Джербер.

Он говорит, что покажется, когда наступит момент.

Доктор, напротив, был уверен, что уже его видел.

Эва И ЕСТЬ мальчик, а мальчик И ЕСТЬ Эва.

Вот так, очень просто – и об этом не следует забывать. Тем не менее во время разговора Джербер пару раз чуть было не поверил, что в комнатке вместе с ними находится призрак Дзено Дзанусси.

Время реагирования.

Вот что вводило его в заблуждение. Каждый раз, когда Эва обращалась к пустому креслу за инструкциями, интервал молчания,

достаточный, чтобы получить ответ, не выбивался из графика, как будто в самом деле происходил диалог.

Изумительно разыгранный фарс, подумал Джербер. Просто невероятно.

Но он снова признал себя глупцом, задавшись вопросом, почему безумная мысль о том, что он присутствует при паранормальном явлении, в какой-то момент завладела им, заставив внутренне содрогнуться.

Эва сконструировала воображаемого друга специально для меня, заключил Джербер.

Единственное объяснение всем синхронностям в этом спектакле. Слово «Аримо» в письме. Пять лет, возраст маленького героя. Смутный намек на футболку «Фьорентины», которую Дзено носил не снимая.

Он сказал, что у него ее больше нет.

Отсюда психолог вывел, что Эве известна история Батигола и ее детали девочка использовала с большим мастерством. Ее юный возраст не должен вводить в заблуждение: в десять лет ребенок вполне способен сочинить такое. Ему приходилось лечить детей, которые разрабатывали куда более дьявольские планы в пику взрослым.

Леонардо, всего шести лет, требовал безраздельного внимания матери до такой степени, что убедил ее, будто отец тайком его избивает. Даже сам наносил себе синяки, чтобы отдалить родителей друг от друга.

Возможно, Эва и не замышляла ничего дурного, подумал Джербер. Девочка могла и не знать, как глубоко запечатлелись в нем отдельные детали истории Дзено. Возможно, она просто хотела его поразить, заставить поверить. Вывести его из равновесия и расстроить вовсе не входило в ее планы.

В ее комнатке на столе психолог заметил компьютер с единорогами на светящихся наклейках. Эва попросту выудила информацию из интернета. Там она и наткнулась на самое

примечательное событие, связанное с личной жизнью улестителя детей: то, что произошло на его глазах, когда ему было одиннадцать лет.

Да, так оно все и было, убедил себя Пьетро Джербер.

Отложив блокнот с записями, он встал с кресла и вынул айпад, хранившийся в ящике книжного шкафа. Прислонившись к стене, стал просматривать онлайн старые выпуски местных газет.

Тем, кто придумывал заголовки в «Ла Нацьоне», всегда нравились пафосный тон и эффектные фразы, даже если то и другое никак не сочеталось с материалом статьи. «В Порто-Эрколе орудует монстр?», «Кто похитил малыша Батигола?» – такие кричащие заголовки не могли не привлечь десятилетнюю девочку.

«Но как Эва могла связать это со мной?» – задумался Джербер.

В статьях не упоминались ни он, ни другие ребята из компании в Порто-Эрколе: все они были в то время несовершеннолетними, и их личности нельзя было раскрывать. Но в скором времени Джербер наткнулся как раз на то, что надеялся найти.

Интервью, которое дал Пьетро Дзанусси в десятую годовщину исчезновения его младшего брата.

По такому случаю на кладбище Порте-Санте провели странную церемонию, которая привлекла внимание прессы. Мама Дзено предложила друзьям и знакомым положить в небольшой сундучок что-нибудь напоминавшее о ее сыне: какую-то вещь, письмо, фотографию. Потом сундучок поместили в семейном склепе, поставив плиту с именем ребенка.

Джербер вместе с *синьором Б.* тоже присутствовал; ему как раз исполнился двадцать один год.

На следующий день они узнали, что Пьетро Дзанусси, воспользовавшись случаем, излил перед журналистом все свои чувства и назвал имена свидетелей произошедшего, теперь уже «достаточно взрослых, чтобы публично взять на себя ответственность». С горечью отзывался он о старших товарищах Дзено, которые, по его словам, «должны были лучше присматривать

за малышом», а кроме того, упомянул о знаменитой футболке «Фьорентины» с номером девять, благодаря которой братишка получил свое прозвище. И, хотя слово «Аримо» не прозвучало, в его словах содержался зловещий намек на игру в восковых человечков.

Именно эту статью, должно быть, и прочла Эва.

«Пьетро Дзанусси...» – повторил про себя Джербер. Как винить старшего брата за то, что он на них на всех ополчился. В то проклятое лето Дебора приняла Дзено в компанию, хотя ему было всего пять лет, но только потому, что старший брат их бросил, присоединившись к группе подростков. Дебора была влюблена в Пьетро Дзанусси, вспомнил Джербер. Все это знали. И, включив Дзено в компанию, надеялась привязать к себе его брата. Они всего один раз поцеловались, и для обоих то был первый поцелуй. Но все закончилось раз и навсегда из-за того, что случилось после.

Кто знает, как сложились бы отношения Деборы и Пьетро Дзанусси, если бы маленький Батигол не канул в небытие.

Джербер не стал строить фантастических предположений – зачем лишний раз растревлять себе душу. Хотя воспоминания нагнали на него тоску, он в принципе мог быть доволен собой и убрал айпад, ни на секунду не сомневаясь, что разоблачил воображаемого друга Эвы. Надо признаться, оставались кое-какие сомнения, но только потому, что исчезновение малыша его до сих пор глубоко затрагивало. Разум видит то, что хочет видеть, часто повторял *синьор Б.* И слышит тоже.

Если ты нам не веришь, он не будет с тобой говорить.

Фраза Эвы теперь обрела смысл.

Было чуть за полночь, и Пьетро Джербер ощущал приятную усталость. Завтра он найдет по возможности мягкий способ с помощью гипноза войти в психику девочки и поможет ей освободиться от обмана, который она сама создала и из которого не в силах выбраться. Он просто обязан ей помочь – ведь если все остальное придумано, синяк, который доктор заметил на ее запястье, настоящий. И раз Эва ради подкрепления собственной

истории даже способна причинить себе боль, она в серьезной опасности.

Хорошая мысль пришла ему в голову – не возвращаться домой, а зайти сюда, в кабинет. Одного вечера хватило, чтобы расставить все по своим местам, истолковать с точки зрения здравого смысла и избавиться от глупых суеверий. Он устал, но поработал не зря. День выдался насыщенный, и теперь он хотел одного – вернуться к себе в квартиру и выспаться, вознаградив себя за бессонную ночь, которую провел накануне из-за письма Эвы. Тем временем по радио Эрик Сати сменил Мендельсона, зазвучали сладостные ноты «Гимнопедии № 1». Перед тем как погасить огонь в камине, Джербер решил дослушать эту вещь и налил вина еще на два пальца, чтобы вознаградить себя за отличную работу, сделанную этим вечером. Он это заслужил.

Поднося бокал к губам, он услышал свист.

И оцепенел. Первая мысль родилась невольно, нечто вроде безусловного рефлекса, связанного с воспоминаниями детства.

Восковой человечек ищет меня.

Такую несуразную мысль он тут же выкинул из головы, но спешно выключил приемник. Во внезапно наступившей тишине его беспокойство усилилось. Свист был коротким, но продлился достаточно, чтобы Джербер разволновался. И сделал то, что делают все, когда нечто необычное и, на первый взгляд, безобидное неожиданно вторгается в привычный ход вещей: прислушался, дожидаясь повторения. Но не дождался.

Поскольку свист мог доноситься только от входа в мансарду, Джербер, едва опомнившись, поставил бокал и выглянул в темный коридор. Он чувствовал себя дураком, но все же был уверен, что ему не послышалось. Набрался храбрости. До приемной было шагов десять, он прошел их вслепую, прислушиваясь к каждому постороннему звуку. Добравшись до цели, увидел, что все креслица пусты. Но комнату заливал неяркий лунный свет, проникавший через слуховое окно на лестнице.

Дверь в студию была неплотно прикрыта.

Не раздумывая, почему так вышло, Джербер вознамерился с силой захлопнуть ее, бросая вызов окружающей тьме.

Но что-то мешало.

Он опустил взгляд: на полу лежал какой-то предмет. Джербер наклонился, чтобы его подобрать. Когда разглядел, что это такое, все его построения обрушились. В лунном свете сверкала, словно в насмешку, его авторучка.

9

На следующий день Пьетро Джербер явился в имение Онельи Кателани с пакетом, перевязанным ленточкой.

К кофе синьора Ваннини подала песочный пирог с вишнями, который сама испекла. Одного ломтика не хватало: его домоправительница отнесла Эве на полдник.

– Я и витамины положила ей на тарелку, – сказала женщина. – Эта паршивка всегда находит способ не принимать их: надеюсь, на этот раз примет, иначе я ей покажу. – Ваннини размахивала руками, и браслет с дикобразами угрожающе звенел.

Перед тем как встретиться с девочкой, Джербер снова пообщался с Майей Сало, сидя за тем же дубовым столом на просторной кухне. В тот день девушка надела свитер с высоким воротом, подвязала рыжие волосы и немного подкрасила глаза. В другое время доктор спросил бы себя, не для него ли она старалась, но в тот день никак не получалось польстить своему самолюбию.

Они поболтали о том о сем: занятия в университете, диплом о Чимабуэ, разница в стиле жизни между Тосканой и Финляндией. Время от времени и синьора Ваннини вступала в разговор: жаловалась на троих своих сыновей, которые терпеть не могли ходить в школу.

В эти полчаса Джербер старался вести себя непринужденно, но думал совсем о другом. Твердил себе без конца, что ночью ничего не случилось. Что ручка, найденная на пороге центра, просто выпала из кармана плаща, когда он вынимал ключи, чтобы открыть дверь. Что свист, который предшествовал появлению ручки, был всего лишь звоном в ушах или радиопомехой во время передачи концерта классической музыки.

Неизвестно почему, хотя эти объяснения звучали убедительно, он не в силах был унять тревогу.

Перед тем как солнце начало клониться к горизонту, он распрощался с женщинами и, прихватив подарок, стал подниматься в комнату Эвы.

Хотелось понять, что происходит в этом доме. Единственный способ – сделать вид, что не происходит ничего.

Девочка сидела за секретером, перед включенным компьютером. На мониторе устаревшей модели Джербер узнал «Супер-Марио», одну из первых версий видеоигры.

– Привет, Эва, – поздоровался он, скинул плащ и повесил его на подлокотник кресла, где накануне как будто бы сидел воображаемый мальчик.

Эва, в том же темном платье и красных бархатных тапках, была полностью поглощена игрой.

– Привет, – сказала она, не оборачиваясь.

– Я тоже в нее играл, когда был маленький, – проговорил Джербер, пытаясь пробудить в ней любопытство. – У меня даже здорово получалось, – добавил он. – Хочешь, потом попробуем загрузить последнюю версию?

– Интернет не работает, – сообщила Эва.

Неправда, мысленно возразил ей Джербер. Иначе откуда бы ты взяла сведения обо мне. Но психолога восхищало, как связно девочка вела свою роль, ни в чем себе не противореча.

До поры до времени, подумал он, будучи уверен, что рано или поздно ребенок запутается.

– Я тебе кое-что принес, – объявил он, показывая перевязанный ленточкой пакет.

Эва поставила игру на паузу и наконец посмотрела на доктора. У нее точно ледышки в глазах, подумал Джербер.

Маленькая пациентка встала из-за стола и подошла к нему. Взяла подарок обеими руками, осмотрела его и, даже не сказав спасибо, уселась на ковер, чтобы снять упаковку. Психолог наблюдал, как она вынимает из коробочки стеклянный шар.

– Нравится?

Девочка подняла выше сферу, наполненную водой, чтобы получше рассмотреть. Внутри был домик, а в окошках – маленькие зеркала, в которых отражался тот, кто заглядывал внутрь; если шар перевернуть, начинал идти снег.

– Знаешь, кто изобрел это чудо? – спросил Джербер, присаживаясь на корточки рядом с ней. – Его звали Эрвин Перци. Больше ста лет назад, в Вене, он хотел улучшить освещение в операционных больниц, и ему пришла в голову идея наполнить шар водой, смешанной с кусочками разных материалов, отражающих свет. Изобретение не сработало, но Перци заметил, что внутри сферы как будто идет снег. И он стал вкладывать туда маленькие пейзажи.

Эва слушала внимательно, однако Джербер не был уверен, что рассказ ее захватил. Другие пациенты восхищались, но на лице этой девочки нельзя было ничего прочесть.

Потом она встала с ковра и направилась к полке с мягкими игрушками. Поднялась на цыпочки и пристроила шар со снегом среди зверушек.

Вряд ли психолог подкупил ее этим подарком; оставалось надеяться, что хотя бы навел мосты.

– Теперь поиграем в игру, когда нужно спать? – спросила девочка.

– Именно, – подтвердил Джербер. Потом велел ей лечь на кровать под балдахином, лицом вверх.

Эва сделала, как он сказал. Положила голову на подушку, и волосы рассыпались золотистым ореолом.

– Я не устала, – предупредила она.

– Знаю, – ответил Джербер, складывая ей руки на груди. – Ты не просто... уснешь, – пояснил он. – Все будет совсем по-другому, вот увидишь. Ты станешь легкая-легкая, как перышко.

– Мне что-то приснится? – спросила девочка, наконец-то заинтересованная.

– Полагаю, да, – заверил он, сам на то уповая.

Потом Эва наморщила лоб.

– А страшно не будет?

– Я всегда буду рядом, не оставлю тебя одну, – пообещал доктор. – Теперь ты закроешь глаза и откроешь, когда я скажу, хорошо?

Девочка подчинилась.

– Теперь я хотел бы, чтобы ты дышала вместе со мной, – сказал Джербер и положил руку ей на грудь, чтобы задать ритм.

Когда ее дыхание выровнялось, гипнотизер отошел и снял с полки стеклянный шар. Повернул донышко, и зазвучала музыка.

Грустная мелодия: «Славянские танцы, опус 72, номер 2 в ми минор» Антонина Дворжака.

Джербер приготовился: вынул из карманов плаща черный блокнот и ручку, потом присел на кровать рядом с Эвой. Завод заканчивался, звуки замирали. Еще до того, как музыка стихла, Эва погрузилась в транс.

– Как тебя зовут?

– Эва, – ответила та совершенно спокойно.

– Сколько тебе лет?

– Десять.

– Что ты сегодня ела на полдник?

– Пирог с вишнями.

– Вкусный?

– Да, очень.

– Ты приняла витамины, которые синьора Ваннини положила тебе на тарелку?

– Они горькие, я их спустила в унитаз, – призналась девочка.

Предварительные вопросы нужны были Джерберу затем, чтобы проверить, искренне ли говорит пациент, и то, что Эва не солгала, было хорошим знаком. Он сделал запись в блокноте и продолжил:

– Это ты взяла коралловые бусы, помаду и теннисную туфлю Майи?

Эва ответила не сразу. Психолог пристально смотрел на нее, держа ручку наготове.

– Да.

Гипнотизер чуть было не вздохнул с облегчением: фарс, не только свидетелем, но и жертвой которого он стал, начинал трещать по швам. Но простого подтверждения было недостаточно.

– Зачем ты это сделала?

– Он сказал, чтобы я их стащила.

Такой ответ убил в Джербере зародившуюся было надежду. Похоже, в Эве действительно развилась вторая личность. Иначе она бы не проявилась под гипнозом. У психолога вновь укрепилось подозрение, что у девочки какая-то форма шизофрении. Но пока доктор решил эти ее слова проигнорировать.

– Откуда у тебя синяки на ногах и на руках?

Снова пауза.

– Он злится, когда я не хочу делать то, чего он просит.

Нанесение вреда себе – худшее из того, что творилось с Эвой: вторая личность уже стала доминирующей.

– Кто – он? – снова спросил психолог, ведь в их первую встречу этот вопрос остался без ответа.

На этот раз девочка как будто его и не слышала.

– Он говорит, что я – его единственная подруга.

– Чего он от тебя хочет? – подыграл Джербер, надеясь понять, что заставило Эву вызвать личность мальчика, который причиняет ей боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые
на русском!

18+

ДОМ ОГНЕИ

Примечания

1

«Cluedo» – настольная игра, по сюжету которой игроки расследуют убийство. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[Вернуться](#)

2

Пластмассовые фигурки героев фильмов или комиксов (*англ.*).

[Вернуться](#)

3

Нечто за нечто (*лат.*).

[Вернуться](#)